

Научный журнал «Полиматис»
Polymathis Scientific Journal

электронное периодическое политематическое научное издание

№ 3, апрель 2017
No. 3, April 2017

Учредитель: ООО Международное объединение «Полиматис»

Адрес редакции: 350073, Краснодарский край, г. Краснодар, п. Краснодарский, проезд 2-й Апшеронский, д. 11а

Адрес электронной почты: info@polymathis.ru

© ООО Международное объединение «Полиматис», 2017

Состав редакции журнала

Главный редактор:
Усенко Сергей Валентинович, канд. юрид. наук, доцент

Редакторы тематических разделов:
Данилова Марина Ивановна, д-р филос. наук, профессор ВАК
Дашин Алексей Викторович, д-р юрид. наук, канд. ист. наук, профессор
Таразевич Елена Васильевна, д-р с.-х. наук, канд. биол. наук, профессор
Непшекуева Тамара Сагидовна, д-р филол. наук, доцент ВАК
Сапфирова Аполлинария Александровна, д-р юрид. наук, доцент
Еникеев Анатолий Анатольевич, канд. филос. наук, доцент ВАК
Глушко Ольга Александровна, канд. юрид. наук, доцент
Гущина Людмила Ивановна, канд. ист. наук, доцент
Кобылинская Светлана Викторовна, канд. юрид. наук, доцент
Кондратьева Татьяна Сергеевна, канд. филол. наук, доцент
Очаковский Виктор Александрович, канд. юрид. наук, доцент
Руденко Евгения Юрьевна, канд. юрид. наук

Помощник главного редактора:
Усенко Анатолий Сергеевич

Редактор-переводчик:
Котяра Дмитрий Флорентиевич

Editorial Staff

Editor-in-Chief:
Usenko Sergey Valentinovich, Candidate of Law, assistant professor

Topic editors:
Danilova Marina Ivanovna, Doctor of Philosophy, VAK professor
Dashin Aleksey Viktorovich, Doctor of Law, Candidate of History, professor
Tarazevich Yelena Vasilyevna, Doctor of Agricultural Sciences, Candidate of Biology, professor
Nepshekuyeva Tamara Sagidovna, Doctor of Philology, VAK assistant professor
Sapfirova Apollinariya Aleksandrovna, Doctor of Law, assistant professor
Yenikeyev Anatoliy Anatolyevich, Candidate of Philosophy, VAK assistant professor
Glushko Olga Aleksandrovna, Candidate of Law, assistant professor
Gushchina Lyudmila Ivanovna, Candidate of History, assistant professor
Kobylinskaya Svetlana Viktorovna, Candidate of Law, assistant professor
Kondratyeva Tatyana Sergeyevna, Candidate of Philology, assistant professor
Ochakovskiy Viktor Aleksandrovich, Candidate of Law, assistant professor
Rudenko Yevgeniya Yuryevna, Candidate of Law

Assistant Editor-in-Chief:
Usenko Anatoliy Sergeyevich

Editor/Translator:
Kotyara Dmitriy Florentiyevich

Содержание

Гойна А. Е., Колесникова В. А. (науч. рук.)
Проблема разграничения ничтожных и оспоримых сделок (стр. 8–12)

Заболоцкий Ф. П., Глинщикова Т. В. (науч. рук.)
Влияние римской культуры на современное международное и частное гражданское право (стр. 13–17)

Иванченко И. Т., Глинщикова Т. В. (науч. рук.)
Часть здания и помещение в римском и современном гражданском праве (стр. 18–22)

Карпов Н. Н., Колесникова В. А. (науч. рук.)
Правовое регулирование суррогатного материнства в России (стр. 23–28)

Касимова В. С.
Особенности договора контрактации и специфика его исполнения (стр. 29–34)

Костенко О. С.
Проблемы использования фирменного наименования в предпринимательской деятельности (стр. 35–40)

Лаушкина Ю. И.
Проблемы развития сельскохозяйственных кооперативов на современном этапе (стр. 41–47)

Марченко В. С., Глинщикова Т. В. (науч. рук.)
Институт владения в римском и современном гражданском праве (стр. 48–53)

Моздор В. А., Шульга А. К. (науч. рук.)
Договорная подсудность в системе предпринимательских отношений (стр. 54–58)

Перевалова Е. А., Астраханкин А. А. (науч. рук.)
К вопросу об установлении преднамеренного и фиктивного банкротства (стр. 59–63)

Саенко Д. Г., Кудрявцева Л. В. (науч. рук.)
Защита и осуществление прав граждан Российской Федерации за рубежом (стр. 64–70)

Самсонов С. А., Кудрявцева Л. В. (науч. рук.)
Обязательства вследствие действий в чужом интересе без поручения: сравнительно-правовой анализ (стр. 71–77)

Симоненко В. В.
Некоторые вопросы регулирования правового статуса крестьянского (фермерского) хозяйства (стр. 78–83)

Стародубцева М. В., Нетишинская Л. Ф. (науч. рук.)
К вопросу о праве на признание аудиторского заключения заведомо ложным (стр. 84–90)

Стародубцева М. В., Нетишинская Л. Ф. (науч. рук.)
К вопросу о правовой природе аудиторского заключения и ответственности аудитора за подписание заведомо ложного аудиторского заключения (стр. 91–98)

Трубачев В. И., Шульга А. К. (науч. рук.)
Заключение и исполнение кредитного договора в предпринимательской деятельности (стр. 99–105)

Table of Contents

Goyna A. Ye., Kolesnikova V. A. (research advisor)
The Issue of Differentiation Between Void and Voidable Contracts (pp. 8–12)

Zabolotskiy F. P., Glinshchikova T. V. (research advisor)
Influence of the Roman Culture on the Modern International and Private Civil Law (pp. 13–17)

Ivanchenko I. T., Glinshchikova T. V. (research advisor)
A Part of a Building and Premises in Roman and Modern Civil Law (pp. 18–22)

Karpov N. N., Kolesnikova V. A. (research advisor)
Legal Regulation of Surrogacy in Russia (pp. 23–28)

Kasimova V. S.
Features of the Contractual Agreement and Specific Characteristics of Its Execution (pp. 29–34)

Kostenko O. S.
Issues of Using of a Firm-Name in Business Activity (pp. 35–40)

Laushkina Yu. I.
Problems of Agricultural Cooperatives Development at the Present Stage (pp. 41–47)

Marchenko V. S., Glinshchikova T. V. (research advisor)
The Possession Institution in Roman and Modern Civil Law (pp. 48–53)

Mozdor V. A., Shulga A. K. (research advisor)
Agreed Jurisdiction in the Business Relationship System (pp. 54–58)

Perevalova Ye. A., Astrakhankin A. A. (research advisor)
On the Issue of Ascertainment of Deliberate and Fraudulent Bankruptcy (pp. 59–63)

Sayenko D. G., Kudryavtseva L. V. (research advisor)
Protection and Realisation of Rights of the Citizens of the Russian Federation Abroad (pp. 64–70)

Samsonov S. A., Kudryavtseva L. V. (research advisor)
Liability due to Actions Without Delegation in the Interest of Another Person: Comparative Legal Analysis (pp. 71–77)

Simonenko V. V.
Some Issues of Regulation of the Legal Status of the Peasant (Farm) Enterprise (pp. 78–83)

Starodubtseva M. V., Netishinskaya L. F. (research advisor)
On the Issue of the Right to Recognise an Auditor's Report as Knowingly False (pp. 84–90)

Starodubtseva M. V., Netishinskaya L. F. (research advisor)
On the Issue of the Legal Nature of an Auditor's Report and the Auditor's Responsibility for Signing a Knowingly False Auditor's Report (pp. 91–98)

Trubachev V. I., Shulga A. K. (research advisor)
Conclusion and Execution of a Credit Contract in Business Activity (pp. 99–105)

УДК/UDC 347.1

Проблема разграничения ничтожных и оспоримых сделок

Гойна Александра Евгеньевна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: goyna@bk.ru

Колесникова Виктория Александровна (научный руководитель)
преподаватель кафедры международного частного и предпринимательского права
Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: anna-butygina@rambler.ru

Аннотация

Данная статья направлена на анализ положений Федерального закона от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», касающихся изменений правового регулирования критериев ничтожности и оспоримости сделок. Рассматриваются ключевые признаки, позволяющие отличить ничтожность недействительной сделки от ее оспоримости.

Ключевые слова: сделка, недействительность сделки, ничтожные сделки, оспоримые сделки, защита нарушенных прав.

The Issue of Differentiation Between Void and Voidable Contracts

Goyna Aleksandra Yevgenyevna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: goyna@bk.ru

Kolesnikova Viktoriya Aleksandrovna (research advisor)
lecturer of the International Private and Business Law Department
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: anna-butygina@rambler.ru

Abstract

This article is aimed at the analysis of the provisions of the Federal Law of 7 May 2013 No. 100-FZ "On Amendment of Subsections 4 and 5 Section I of the First Part and Article 1153 of the Third Part of the Civil Code of the Russian Federation" concerning the changes in the legal regulation of the criteria of void and voidable contracts. The author analyses the key features that allow to distinguish a void contract from a voidable one.

Key words: transaction, invalidity of a transaction, void contracts, voidable contracts, protection of infringed rights.

При проведении анализа произошедших изменений гражданского законодательства в области разграничения ничтожных и оспоримых сделок выделяется прежде всего тот факт, что признаки недействительности сделок указывают на упрочнение данного института.

Устойчивость института сделки позволяет избежать угрозы обществу в отношении заключения тех или иных соглашений, стабилизировать общественные интересы в отношении нарушения прав и охраняемых законом интересов третьих лиц. Присутствие «идеальных» отношений между государством и обществом позволяет укрепить публичные интересы. Как известно, дееспособность включает, во-первых, способность к совершению сделок (сделкоспособность) и, во-вторых, способность нести ответственность за неправомерные действия (деликтоспособность).

При рассмотрении института ничтожности сделок делается акцент на то, что данные сделки направлены на нанесение явного ущерба как государству, так и обществу, и являются так называемыми «уничтожителями» уже имеющихся отношений, что существенно отличается от оспоримой сделки, так как государство относит данный критерий недействительности сделки к менее важному. Некоторые авторы, в частности Е.

Годэмэ, вовсе указывают на отсутствие различия между двумя видами недействительности сделки, так как законодатель не представил признаки оспоримой сделки [1, с. 51].

В связи с вышесказанным появляется необходимость разграничить данные понятия. Порядок признания сделки недействительной позволяет отличать ничтожную сделку от оспоримой. Так, согласно статье 166 Гражданского кодекса РФ, ничтожная сделка признается вне зависимости от решения суда [2]. Однако есть случаи и обращения в данной ситуации к суду. Например, при посягательстве на интересы или права и охраняемые законом интересы третьих лиц необходимо судебное решение для признания сделки недействительной, так как только суд имеет полномочия установить степень недействительности.

Еще один критерий, который позволяет разграничить ничтожную от оспоримой сделки, — это круг лиц, имеющих право заявлять о недействительности лиц. Многие авторы по-разному рассматривают данный критерий. Так, И. А. Данилов считал, что право на признание сделки ничтожной предоставляется лишь лицу, чей интерес охраняется нормой, а при оспоримости — лицом, чьи интересы охраняются законом [3, с. 18].

По мнению Н. Растеряева, оспоримые сделки нарушают нормы, охраняющие интересы частного лица, поэтому признать их недействительными возможно только по желанию данного частного лица [4, с. 73]. Что же касается ничтожных сделок, недействительность может быть обнаружена законом.

Согласно гражданскому законодательству требование об оспаривании сделки может предъявить только сторона сделки либо иные лица, предусмотренные законом, но имеющие обязательно материальную или процессуальную заинтересованность.

При рассматрении вышеуказанных критериев разграничения ничтожной и оспоримой сделки, становится понятным, что признаки их отличия являются формальными и по своему содержанию очень схожи. Важно разделять понятия «недействительная сделка» и «сделка незаключенная». Если сторонами сделки не достигнуто соглашение о значи-

мых критериях сделки, то эта сделка считается незаключенной. Однако следует проводить грань незаключенность сделки de jure и de facto.

Еще одним законодательно закрепленным разграничительным критерием данных понятий является срок исковой давности. Для признания недействительной сделки ничтожной срок исковой давности определен в три года, а для сделок, признанных оспоримыми, срок равен одному году, течение которого начинается в день прекращения угрозы, под влиянием которой была заключена сделка. Максимальный срок для обращения заинтересованных лиц в предъявлении требований о признании сделки как ничтожной, так и оспоримой гражданским законодательством установлен в десять лет. Чтобы определить срок исковой давности, суд устанавливает, является ли недействительность ничтожной или оспоримой.

Основные проблемы, вытекающие из приведенных положений действующего законодательства, связаны с экономической нерациональностью того институционального устройства, которое это законодательство создает.

Таким образом, можно сделать вывод, что разграничение понятий оспоримой сделки и ничтожной дает нам возможность решить ряд вопросов:

— во-первых, это степень угрозы на общественные отношения, в которых рассматриваются данные виды недействительности сделки;
— во-вторых, определение порядка признания сделок недействительными;
— в-третьих, определение лиц, имеющих возможность за обращением с заявлением о признании сделки ничтожной или оспоримой;
— в-четвертых, разграничение недействительности на виды дает возможность определения срока исковой давности для предъявления требований;
— в-пятых, определение обратимости юридической силы сделки

или ее полное уничтожение.

Список литературы

1. Годэмэ Е. Общая теория обязательств. М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1948. 511 с.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

3. Данилов И. А. Сущность деления недействительных сделок на ничтожные и оспоримые // Юридический мир. 2010. № 5. С. 18–21.

4. Растеряев Н. Недействительность юридических сделок по русскому праву. Часть общая и часть особенная. Догматическое исследование. СПб: Типография Товарищества «Общественная польза», 1900. 373 с.

УДК/UDC 347

Влияние римской культуры на современное международное и частное гражданское право

Заболоцкий Фёдор Павлович
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: fernando-2010@mail.ru

Глинщикова Татьяна Вадимовна (научный руководитель)
кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного и предпринимательского права
Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: glinshikowa@yandex.ru

Аннотация

Для римских юристов право — это наука, предназначенная для практического применения и призванная решать конкретные проблемы, возникающие во взаимоотношениях между людьми. По этой причине произошла рецепция римского частного права в Европе, оно стало не только основой гражданского права большинства государств, но и международного частного права. Категория добросовестности, разработанная римскими юристами, используется в настоящее время в современном отечественном и зарубежном законодательстве, а также в международных документах.

Ключевые слова: римское частное право, право народов, коллизионные нормы, рецепция, международное частное право, принцип добросовестности.

Influence of the Roman Culture on the Modern International and Private Civil Law

Zabolotskiy Fedor Pavlovich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia

e-mail: fernando-2010@mail.ru

Glinshchikova Tatyana Vadimovna (research advisor)
Candidate of Law, assistant professor of the International Private and Business Law Department
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: glinshikowa@yandex.ru

Abstract

Roman lawyers considered law as a science which is used in practice to solve concrete problems that arise in relationship between people. This was the reason why the reception of Roman private law in Europe took place. It serves not only as the basis for civil law of the majority of countries, but also as the basis for international private law. The category of good faith developed by Roman lawyers is used nowadays in the modern domestic and foreign legislation, as well as in international documents.

Key words: Roman private law, law of nations, conflict rules, reception, international private law, good faith principle.

Римское право наравне с греческой философией и христианством сыграло огромную роль в становлении культурной идеи Европы. Д. В. Дождев справедливо отмечает, что рецепция римского права является характерным явлением для всей континентальной Европы [1].

Заимствование римского права в качестве действующего права обуславливалось неспособностью местного обычного права регулировать экономические отношения и пониманием высокого уровня римского права, которое давало готовые формулы для разрешения имущественных и хозяйственных споров. Страны Европы в своей юридической сфере стали использовать и терминологию Рима. Термины «кодификация», «конвенция», «унификация», «юриспруденция» и другие имеют римское происхождение.

На наш взгляд, римское право оказало также влияние на становление и развитие международного частного права. В начале своего развития римское частное право сформировалось как цивильное право, ко-

торое являлось исключительно римским гражданским правом, которое регламентировало имущественные отношения только между римскими гражданами. Но данная правовая система не могла долго удовлетворять потребности римского общества, которое бурно развивалось в условиях новой хозяйственной, экономической среды. В ходе завоевательных походов и присоединения к Риму новых территорий и народов возникла насущная потребность в регулировании торговых отношений, возникающих между гражданами Рима и иностранцами. Цивильное право не было для этого предназначено. С точки зрения современного международного частного права эту проблему можно было бы решить с помощью закрепления в национальном законодательстве так называемых коллизионных норм, которые позволяют определить применимое право к отношению. Однако таких норм в законодательстве Рима не существовало, поскольку римляне в основном игнорировали иностранное право, считая римское право уникальным явлением. В частности, Цицерон отмечал: «Предки наши оказались выше всех народов государственной мудростью; достаточно сравнить наши законы с их Ликургом, Драконом, Солоном. Нельзя даже поверить, насколько беспорядочно — прямо-таки до смешного! — гражданское право всех народов, кроме нашего» [2].

С целью удовлетворения интересов торгового оборота между римлянами и иностранцами (перегринами), юристы пошли по пути формирования правовой системы, получившей название jus gentium (право народов). Данная правовая система отличалась от цивильного права, поскольку была более прогрессивной, менее формализованной. Так, В. А. Краснокутская отмечает, что «к понятию права народов относилось древнее право, регулировавшее договоры римлян с иностранными общинами по установлению взаимного права вступления в брак (conubium) и права торговли (commercium). Затем к нему относилось обычное право, применявшееся в практике торговых отношений и имевшее общий характер благодаря племенному родству и тесным экономическим связям членов латинского союза, например, свободные от формализма сделки обмена. Наконец, с распространением римского господства на провин-

ции право народов заимствовало торговые институты различных частей империи. Jus gentium становится синонимом универсального права. . . » [3]

Таким образом, следует отметить, что на развитие римского частного права оказала влияние не только греческая философия, но и различные институты зарубежного торгового права, причем свободные от всяческих формальностей и ограничений, так свойственных римскому праву. Римские юристы широко пользовались нововведениями иностранного права, приспосабливая их достижения для решения стоящих перед ними задач и перерабатывая их в соответствии со своими нуждами. Требования дальнейшего прогресса сочетались с приверженностью традициям. Благодаря этому римское частное право развивалось и отвечало всем требованиям общества.

Полагаем, jus gentium вполне можно считать образованием, схожим с международным частным правом, за некоторым исключением. Современное международное частное право, аналогично jus gentium, призвано регулировать торговые отношения, возникающие между физическими и юридическими лицами различных государств.

Идея справедливости, которой была пронизана греческая философия, послужила для римских философов и правоведов основой для разработки важнейшего начала гражданского права — принципа добросовестности. Категория добросовестности основана на критерии «добрых нравов» (bona fides), который был заимствован из римского права и теперь используется многими зарубежными правовыми системами.

Указанный принцип используется и в международном праве. Так, одним из основных принципов Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров (1980) является принцип соблюдения добросовестности в международной торговле [4]. По мнению М. Р. Розенберга, понятие «добросовестность» в свете Конвенции охватывает: предоставление партнеру достоверных сведений о себе, достоверную информацию о товаре, соблюдение правил деловой этики, осуществление своих прав без нарушения охраняемых законом интересов других лиц, при-

нятие соответствующих мер для надлежащего исполнения договорных условий.

Среди наиболее интересных новелл части первой Гражданского кодекса РФ следует отметить категорию «добросовестность». Так, в п. 3 ст. 10 ГК РФ предусмотрено правило, согласно которому в случаях, когда закон ставит защиту гражданских прав в зависимость от того, осуществлялись ли эти права разумно и добросовестно, разумность и добросовестность участников гражданских правоотношений предполагается [5].

Таким образом, добросовестность может быть использована участниками имущественного оборота в качестве доказательства (презумпции) в случае защиты нарушенных гражданских прав. Отношения по защите гражданских прав реализуются в гражданском праве в форме охранительных правоотношений [6].

Безусловно, новые правила о принципе добросовестности, разработанные римскими юристами, будут способствовать устойчивости и стабильности имущественного оборота. Появление охранительных правил в ГК РФ следует признать необходимым и своевременным.

Список литературы

1. Дождев Д. В. Римское частное право: Учебник для вузов / под редакцией члена-корр. РАН, профессора В. С. Нерсесянца. М.: Издательство «Норма», 2000. С. 16.

2. Гарридо М. Х. Г. Римское частное право: Казусы, иски, институты. М.: Статут, 2005. С. 306.

3. Римское частное право: Учебник / под ред. профессоров И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М.: Издательство «Юрайт», 2015. С. 148.

4. Конвенция Организации объединенных наций о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 04 апреля 1980 г) // Вестник ВАС РФ. 1994. № 1. С. 8.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

6. Кархалев Д. Н. Принцип добросовестности в гражданском праве // Гражданское право. 2013. № 5. С. 27.

УДК/UDC 347

Часть здания и помещение в римском и современном гражданском праве

Иванченко Ирина Тимофеевна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: ivanchenkorinka@gmail.com

Глинщикова Татьяна Вадимовна (научный руководитель)
кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного и предпринимательского права
Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: glinshikowa@yandex.ru

Аннотация

Использование зданий, сооружений и их частей в качестве материальной базы предпринимательской и иной экономической деятельности требует четкого определения правового режима указанных объектов и юридической природы прав на них. В статье с учетом положений римского права рассматривается целесообразность выделения помещения в здании в виде самостоятельного объекта недвижимости. Выделение помещений и прекращение существования в виде объекта недвижимости самого здания не может быть обосновано ни догматическими, ни практическими соображениями.

Ключевые слова: недвижимое имущество, здание, конструктивные элементы здания, часть здания, помещение, общая собственность.

A Part of a Building and Premises in Roman and Modern Civil Law

Ivanchenko Irina Timofeyevna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia
e-mail: ivanchenkorinka@gmail.com

Glinshchikova Tatyana Vadimovna (research advisor)
Candidate of Law, assistant professor of the International Private and Business Law Department
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: glinshikowa@yandex.ru

Abstract

Using of building, constructions and their parts as a material basis of business or any other economic activity requires a clear definition of legal treatment of the stated objects and a clear definition of the legal nature of the relevant rights. Taking into account the provisions of Roman law, the author examines appropriateness of defining premises in the building as an independent object of real estate. This separating of premises and ceasing of a building itself as an object of real estate cannot be justified neither by dogmatic nor by practical reasons.

Key words: real estate, building, structural components of a building, part of a building, premises, common property.

Деление вещей на движимые и недвижимые в римском праве предопределялось установлением различных сроков приобретательной давности. Изначально более длительный срок приобретения по давности владения Законы XII таблиц установили для сельских земельных участков. Позже римские юристы распространили этот срок и на строения, вероятно, по причине того, что здание представляет собой место для проживания семьи, совмещенное с земельным участком. В. В. Витрянский отмечает, что недвижимостью в римском праве считались не только земельные участки (praedia, fundi) и недра земли, но и все, что было создано чужим трудом на земле собственника. Оно признавалось естественной или имущественной частью поверхности земли (res soli). К недвижимостям относились, в частности, постройки, посевы, насаждения [1].

С целью перехода права собственности на движимые и недвижи-

мые вещи использовались различные процедуры: для передачи недвижимой вещи требовалась процедура mancipatio — ритуал с использованием меди, весов и свидетелей. Большинство движимых вещей передавалось путем упрощенной процедуры — traditio. Деление вещей на движимое и недвижимое приобрело более четкий характер с оформлением таких прав, как эмфитевзис и суперфиций. Основным принципом являлся принцип, согласно которому предметы, связанные с землей или фундаментально скрепленные с ее поверхностью, считались ее составными частями и подчинялись правилу superticies solo cedit (сделанное над поверхностью следует за поверхностью). Поэтому не допускалось установление отдельного права собственности на дом и соответственно на земельный участок [1].

В средневековой Европе развитие правового регулирования оборота недвижимого и движимого имущества изначально шло вслед за римским правом по пути сближения правового режима [2]. В большинстве европейских стран в понятие «недвижимое имущество» законодатель включает земельный участок и все, что с ним прочно связано, — здания, сооружения, причем эта общность рассматривается как единый объект недвижимого имущества. В Германии здания также не являются самостоятельным объектом права: оно считается либо составной частью участка, либо составной частью права застройки (под которое, так же как и под участок, открывается отдельный лист в поземельной книге).

Советская правовая доктрина отвергала деление вещей на движимые и недвижимые. Как результат, в нормативных актах до 90-х годов термины «движимое имущество» и «недвижимое имущество» не встречались. В настоящее время российское гражданское законодательство закрепляет особое положение недвижимого имущества в гражданском обороте. В Гражданском кодексе РФ дается отдельное определение недвижимого имущества путем перечисления объектов и некоторых признаков недвижимого имущества [3]. Необходимо отметить, что в действующем ГК РФ жилые помещения причислены к недвижимому имуществу (ст. 558 ГК РФ).

Вопрос о правовом режиме зданий, находящихся в собственности нескольких лиц, возникал еще в древности. В период Римской империи преобладала многоэтажная застройка (инсулы). Это было связано с высокой ценой на городские земельные участки и необходимостью строительства дешевых жилищ для населения с низким доходом. Однако, по мнению ученых, римское право на всем протяжении своего развития признавало здания неделимыми по горизонтали [4, 5]. По вертикали здание могло делиться только при условии раздела находящегося под ним земельного участка, поскольку здание рассматривалось в качестве составной части земельного участка, на котором оно было расположено. Таким образом, в римском праве ни здания, ни тем более его части не могли выступать в обороте в качестве самостоятельной вещи [6]. Указанной позиции придерживались впоследствии и такие страны, как Германия и Швейцария.

Выделение помещения в здании в виде самостоятельного объекта недвижимости в современном гражданском праве привело к возникновению определенных проблем, в частности возможности заключения договора аренды в отношении отдельной части здания и сложности с определением правового статуса общего имущества здания. Полагаем, практически не представляется возможным определить пространственные границы жилых и нежилых помещений, поскольку, очевидно, такая граница не может проходить по центру поперечного разреза стены. Следовательно, часть здания не может служить тому назначению, которому служит здание в целом.

В Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобренной решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) указывается на необходимость введения отдельной главы в ГК РФ о праве собственности на жилые и нежилые помещения [7]. Помещение в Концепции определяется как объект гражданских прав, выступая неким трехмерным объемом, пространственно обособленной частью сооружения. Однако, на наш взгляд, данное определение сомнительно,

поскольку помещение в здании является его частью, оно конструктивно с ним связано и может быть отделено от него не иначе как в виде стройматериалов. Помимо прочего, помещение не обладает признаками объекта недвижимости из-за отсутствия непосредственной связи с землей.

Рассмотрение здания как совокупности помещений приводит разработчиков Концепции к неверной, на наш взгляд, позиции о прекращении существования здания с юридической точки зрения.

Следует согласиться с мнением одного из авторов, утверждающего, что понятие части делимого здания не тождественно понятию помещения, которое не обладает свойствами вещи, а представляет собой объемно-пространственное образование в здании, ограниченное стенами, перекрытиями и другими ограждающими конструкциями [6].

Как следствие, деление здания может быть произведено только по вертикали. Помещение следует включить в понятие более широкого объекта — здания, распространив на все здание в целом режим общей собственности.

Список литературы

1. Витрянский В. В. Договор купли-продажи недвижимости // Недвижимость. М.: Норма — Инфра-М, 2000. С. 43.

2. Нерсесов Н. О. Римское вещное право. М., 1896. С. 51–56.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

4. Кассо Л. А. Русское поземельное право. М., 1906. С. 4.

5. Хвостов В. М. Система римского права. Учебник. М., 1996. С. 131.

6. Глинщикова Т. В. Право общей собственности на здания: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 14.

7. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

УДК/UDC 347.6

Правовое регулирование суррогатного материнства в России

Карпов Николай Николаевич
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: karpovnykolay@yandex.ru

Колесникова Виктория Александровна (научный руководитель)
преподаватель кафедры международного частного и предпринимательского права
Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: anna-butygina@rambler.ru

Аннотация

В статье рассмотрены вопросы, касающиеся суррогатного материнства. Сформулировано понятие суррогатного материнства, рассмотрено регулирование суррогатного материнства со стороны законодательства Российской Федерации, определено его назначение и основные проблемы.

Ключевые слова: суррогатное материнство, вспомогательные репродуктивные технологии, бесплодие.

Legal Regulation of Surrogacy in Russia

Karpov Nikolay Nikolayevich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: karpovnykolay@yandex.ru

Kolesnikova Viktoriya Aleksandrovna (research advisor)
lecturer of the International Private and Business Law Department
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia

e-mail: anna-butygina@rambler.ru

Abstract

The article touches upon issues of surrogacy. The author formulates the notion of surrogacy, examine regulation of surrogacy by the legislation of the Russian Federation, determine its purpose and the main problems.

Key words: surrogacy, assisted reproductive technologies, infertility.

В настоящее время в России возникла проблема сокращения численности населения. Это связано со многими причинами, в том числе и с ухудшающимися репродуктивными способностями человека. Динамика рождаемости напрямую зависит от качества медицинской помощи по восстановлению репродуктивного здоровья [1].

Необходимость сохранения репродуктивного здоровья населения страны вынуждает обращаться к такому средству искусственного контроля за состоянием демографической ситуации, как суррогатное материнство, которое решает одновременно несколько задач:

1) улучшается демографическая ситуация в стране в целом;
2) удовлетворяются потребности человека в обеспечении себя потомством.

Суррогатное материнство получило распространение после разработки метода экстракорпорального оплодотворения.

Суррогатное материнство является вспомогательной репродуктивной технологией, методом лечения бесплодия, при применении которой все этапы зачатия и раннего развития эмбрионов осуществляются вне материнского организма.

Под понятием «суррогатное материнство» понимается вынашивание и рождение ребенка по договору, заключенному между суррогатной матерью и потенциальными родителями [2]. Отношения в сфере вспомогательных репродуктивных технологий в РФ регулируется федеральными законами и подзаконными актами. Нормы и правила заключения

договора о суррогатном материнстве в РФ не закреплены на законодательном уровне.

Суррогатное материнство имеет разные варианты своего осуществления. Все зависит от того, кто является инициатором заключения договора о суррогатном материнстве — супруги или одинокая женщина, у кого из супругов имеются проблемы, связанные с репродуктивными функциями.

Если договор заключают бесплодные супруги, то в качестве образца берется сперма донора. Если же у супруги яичники функционируют нормально, но по медицинским показанием выносить плод она не может, ее яйцеклетка оплодотворяется спермой супруга и подсаживается в матку суррогатной матери. Биологическая мать в таком случае генетического родства с ребенком не имеет.

Женщина, которая согласилась на имплантацию чужой оплодотворенной клетки, выступает в качестве донора, обеспечивая зародышу защиту от внешних воздействий и необходимое развитие.

Основной проблемой, возникающей при применение метода суррогатного материнства, является установление отцовства и материнства. Согласно Семейному кодексу РФ, лица, состоящие в браке между собой и давшие свое согласие в письменной форме на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, могут быть записаны родителями ребенка только с согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери) [3]. Отсюда получается, что существует риск того, что суррогатная мать передумает отдавать выношенного ребенка потенциальным родителям, с которыми был заключен договор.

С распространением практики рождения детей для других лиц проблема соотношения прав суррогатной матери и лиц, ожидающих передачи ребенка (супругов или одинокой матери), появилось множество споров о том, кто приходится матерью с юридической точки зрения: женщина, которая выносила и родила ребенка или же женщина, чья яйцеклетка была оплодотворена.

С одной стороны, биологическое родство должно устанавливать-

ся биологическим материалом, а не вынашиванием ребенка в теле женщины, но с другой — между женщиной, которая вынашивает ребенка, и зародышем устанавливается биологическая связь, на развитие плода оказывают влияние все факторы, влияющие на суррогатную мать.

Правовое регулирование отношений по вопросам суррогатного материнства в разных странах значительно отличается. В одних государствах приоритетными признаются права суррогатной матери, в других — генетических родителей.

При государственной регистрации рождения ребенка по заявлению супругов, давших согласие на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, одновременно с документом, подтверждающим факт рождения ребенка, должен быть представлен документ, выданный медицинской организацией и подтверждающий факт получения согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери), на запись указанных супругов родителями ребенка [4].

Если же суррогатная мать откажется передавать рожденного ребенка генетическим родителям, оспорить неправомерность таких действий в суде будет нельзя. Также право согласия на запись в качестве отца рожденного ребенка мужчины, чей донорский материал использовался для оплодотворения, остается за суррогатной матерью [3].

Также важной проблемой в вопросах суррогатного материнства является неурегулированные вопросы по поводу прав и обязанностей супруга женщины, которая собирается стать суррогатной матерью. Получается, что согласие мужа при желании его супруги стать суррогатной матерью необязательно.

Как уже отмечалось выше, заключить договор о суррогатном материнстве может супружеская пара либо одинокая женщина. Но согласно Конституции РФ осуществляется государственная поддержка как материнства, так и отцовства, а также закреплено равноправие мужчины и женщины, предусматривается равенство прав и свобод независимо от пола, расы и национальности [5]. Поэтому получается, что невозможность заключения договора о суррогатном материнстве одинокому мужчине

является нарушением его конституционных прав. Следовательно, целесообразным считается внести поправки и дополнения в Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в РФ», которые урегулировали бы равенство мужчин на право применять методы вспомогательных репродуктивных технологий.

Методы вспомогательных репродуктивных технологий являются весьма неоднозначными с моральной и нравственной точки зрения. Но, вероятно, несмотря на имеющиеся противоречия и различные мнения по данному вопросу, этот способ получит активное развитие в будущем, поскольку суррогатное материнство как метод вспомогательных репродуктивных технологий позволяет гражданам, которые не имеют возможности по медицинским показаниям иметь собственных детей, обеспечить себя потомством.

Способ суррогатного материнства более приветствуется у граждан, нежели усыновление, так как, несмотря на то, что ребенка вынашивает другая женщина, несмотря на дороговизну и морально-этические и юридические нормы, генетическое родство у родителей и ребенка остается. В вопросе суррогатного материнства больше сомнений вызывают причины самой суррогатной матери, толкнувшие ее к этому решению, чем причины потенциальных родителей.

Таким образом, можно сделать вывод, что российское законодательство приоритетные права отдает суррогатной матери, а в вопросах, касающихся бесплодия граждан, права ребенка знать своих родителей и воспитываться в семье генетических родителей законодательно не установлены. Неурегулированным вопросом являются права супруга суррогатной женщины, а также нарушение прав одиноких мужчин на право использовать метод суррогатного материнства. Следовательно, необходимо вносить изменения и дополнения в существующее законодательство по вопросам, связанным с применением метода суррогатного материнства.

Список литературы

1. Воробьева Л. В. Семейное право: Учебное пособие / Л. В. Воробьева. Электронные текстовые данные. М.: Дашков и К, Ай Пи Эр Медиа, 2011. 187 с.

2. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» от 21 ноября 2011 г. № 322-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 15. Ст. 2056.

3. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 22.

4. Федеральный закон «Об актах гражданского состояния» от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 26. Ст. 3888.

5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 26.01.2009. № 4. Ст. 445.

УДК/UDC 347.4

Особенности договора контрактации и специфика его исполнения

Касимова Веста Сергеевна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: vesta.kasimova@mail.ru

Аннотация

В данной статье предпринята попытка определения особенностей договора контрактации, проблем его исполнения в связи со спецификой сельскохозяйственной продукции, а также особенностей исполнения обязанностей производителем и заготовителем сельскохозяйственной продукции по договору контрактации.

Ключевые слова: договор контрактации, исполнение договора контрактации, производитель, заготовитель, сельскохозяйственная продукция.

Features of the Contractual Agreement and Specific Characteristics of Its Execution

Kasimova Vesta Sergeyevna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: vesta.kasimova@mail.ru

Abstract

In this article, the author makes an attempt to define the features of the contractual agreement, the problems of its execution connected with the specific characteristics of agricultural prudoction, and the peculiarities of execution of the manufacturer's and the supplier's duties under a contractual agreement.

Key words: contractual agreement, execution of a contractual agreement, producer, supplier, agricultural production.

Как особую разновидность договора купли-продажи законодатель выделяет договор контрактации, согласно которому производитель сельскохозяйственной продукции обязуется передать выращенный (произведенный) продукт заготовителю, т. е. лицу, осуществляющему закупки для переработки или дальнейшей перепродажи товара.

К субъектам контрактации относятся производитель и заготовитель сельскохозяйственной продукции. Однако Гражданский кодекс РФ [1] не раскрывает понятие «производитель сельскохозяйственной продукции». В связи с этим мнения различных ученых по поводу содержания этого термина разделились: одни полагают, что производителем по контрактации является лицо, для которого производство сельскохозяйственной продукции выступает одним из основных видов деятельности; другие считают, что правовой статус лица, который реализует данную продукцию, применительно к квалификации договора контрактации не имеет правового значения [2, 3]. Схожий термин — «сельскохозяйственный товаропроизводитель» — раскрывается в Федеральном законе от 08.12.1995 № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации» [4].

Определение термину «сельскохозяйственный товаропроизводитель» дает также Налоговый кодекс РФ [5]: «производящие сельскохозяйственную продукцию организации и индивидуальные предприниматели, которые осуществляют ее дальнейшую переработку, при условии, что доля дохода от реализации произведенной ими сельскохозяйственной продукции составляет не менее 70 процентов, а также сельскохозяйственные потребительские кооперативы, признаваемые таковыми с вышеназванным Законом». Законодательно не установлено четких и единых критериев для отнесения субъекта хозяйствования к сельскохозяйственному товаропроизводителю [6]. Поэтому принято считать, что им признается любое лицо, производящее сельхозпродукцию независимо от того, какова ее доля в общем объеме производимой продукции, а главное,

реализующее самостоятельно выращенную продукцию.

Анализ российского законодательства дает основание признать, что на притяжении всего развития гражданского законодательства правовое регулирование, а точнее недостаточное правовое регулирование продажи сельскохозяйственной продукции порождало споры цивилистов.

Своеобразной особенностью правового регулирования договора контрактации является то, что к отношениям данного договора, которые не урегулированы специальными правилами, при отсутствии в тексте договора соответствующих условий, сначала подлежат применению условия о договоре поставки, и исключительно при отсутствии в нем соответствующих правил — положения о купле-продаже. Распространение норм, которые регламентируют отношения поставки на отношения сторон по договору контрактации, говорит о значительном сходстве указанных отношений и является приемом законодательной техники. Но, несмотря на это, нельзя говорить о признании договора контрактации разновидностью поставки, а не отдельным видом договора купли-продажи, как об этом говорится в юридической литературе [7].

Если говорить об особенностях договора контрактации, необходимо отметить, что они заключаются также в самой специфике сельскохозяйственной продукции, так как подобная продукция зачастую подвергается воздействию факторов окружающей среды, а именно погодных условий, вредителей и других явлений, которые могут повлиять на результат процесса. Производитель сельскохозяйственной продукции считается экономически слабее заказчика, поэтому данный договор направлен на защиту интересов производителя с целью уравнять его экономические права с аналогичными правами заказчика.

Согласно статье 536 ГК РФ [1] заготовитель должен принять произведенную продукцию у производителя по месту назначения, при этом заготовитель не может отказаться от принятия продукции, если она соответствует всем условиям договора контрактации: сроку передачи, оговоренному объему и т. д. Реализуемая производителем продукция — это

та продукция, которую еще необходимо произвести, либо та продукция, что уже находится у производителя в распоряжении.

Исполнение любого договора, в том числе договора контрактации, предполагает, что участники имеют установленные данным договором права и обязанности, а также несут взаимную ответственность. Исходя из этого, производитель сельскохозяйственной продукции обязуется передать заготовителю товар в оговоренном объеме и в определенный срок, а заготовитель при этом должен принять данную продукцию и обеспечить ее своевременный вывоз, если продукция соответствует всем требованиям, установленным договором контрактации. Зачастую заготовитель, осуществляющий переработку сельскохозяйственной продукции, по требованию производителя должен вернуть все отходы от переработки данной продукции по цене, которая определяется в процессе заключения договора контрактации.

Что же касается ответственности по данному договору, то необходимо сказать о неисполнении или ненадлежащем исполнении своих обязательств одной из сторон. Ответственность заготовителя определяется общими правилами осуществления предпринимательской деятельности. В свою очередь, производитель сельскохозяйственной продукции в результате поставки некачественного товара, ее просрочки, а также в случае иных нарушений обязан выплатить заготовителю неустойку с целью компенсации всех убытков.

Ввиду того что производитель по договору контрактации является более слабой стороной в силу зависимости сельского хозяйства от различных болезней скота, вредителей растений, а также погодных факторов, законодатель изначально повысил уровень его правовой защиты. Многие сельхозпроизводители реализуют свою продукцию не по договорам купли-продажи, а по договорам контрактации, так как такие сделки дают большую правовую защиту производителям сельскохозяйственной продукции.

Договор контрактации имеет свои немаловажные особенности, которые необходимо принимать во внимание при его составлении. Предме-

том контрактации может быть только будущая продукция. Иначе говоря, момент заключения между сторонами договора должен предшествовать производству сельскохозяйственной продукции и передаче ее заготовителю. У сторон договора контрактации есть свои обязанности, причем значительно больше их у заготовителя сельскохозяйственной продукции, а именно: он обязан принять у производителя сельскохозяйственную продукцию по месту ее нахождения и обеспечить ее вывоз; в случае если продукция принимается в месте нахождения заготовителя, то он не вправе отказаться от ее принятия, если произведенная продукция соответствует всем требованиям договора и передана в обусловленный срок. Поэтому, исходя из обязанностей, установленных гражданским законодательством, можно было бы сделать вывод о большей правовой защищенности производителя по сравнению с заготовителем.

Неотъемлемым условием договора контрактации являются сроки сдачи продукции, которые конкретизируются графиками доставки и зависят от созревания культур, условий производства и других факторов. Днем исполнения производителем сельскохозяйственной продукции своих обязательств является дата составления приемо-сдаточного документа, если произведенная продукция передается в месте нахождения хозяйства производителя или на приемосдаточный пункт заготовителя.

По мнению А. А. Астраханкина, исполнение договора контрактации можно свести к наиболее важным юридически значимым действиям сторон: совершение производителем сельскохозяйственной продукции действий по передаче самостоятельно выращенной или произведенной им сельскохозяйственной продукции надлежащим образом, разумно и добросовестно в соответствии с условиями договора надлежащему лицу (заготовителю, осуществляющему закупки такой продукции для переработки или продажи), в надлежащем месте (в месте нахождения выращенной (произведенной) сельскохозяйственной продукции или в месте нахождения заготовителя или ином указанном им месте) в обусловленный договором срок; принятие (обеспечение вывоза) и установление заготовителем соответствия передаваемой по договору контрактации продукции

условию о количестве, качестве и ассортименте [8].

Таким образом, значение договора контрактации в деятельности сельскохозяйственных предприятий и других участников сельскохозяйственного производства очень велико. Поэтому одна из основных задач «сельскохозяйственных» договоров, в том числе и контрактации, — необходимость повышения уровня правовой защиты производителя с целью уравнивания его экономических возможностей с аналогичными возможностями заготовителя.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая: Федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства Росссийской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.

2. Новоселов А. В. К вопросу о правосубъектности сельскохозяйственных кооперативов // Научный журнал КубГАУ. 2016. № 120. С. 1199–1210. URL: http://ej.kubagro.ru/2016/06/pdf/79.pdf (дата обращения: 16.02.2017).

3. Новоселов А. В. К вопросу о правоспособности сельскохозяйственных кооперативов // Успехи современной науки и образования. 2015. № 5. С. 89–92.

4. Федеральный закон «О сельскохозяйственной кооперации» от 08 декабря 1995 г. № 193-ФЗ // Собрание законодательства Росссийской Федерации. 1995. № 50. Ст. 4870.

5. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 05 августа 2000 г. №117-ФЗ // Собрание законодательства Росссийской Федерации. 2000. № 32. Ст. 3340.

6. Новоселов А. В. О проблемах совершенствования правового статуса сельскохозяйственных кооперативов // Успехи современной науки. 2016. Т. 2. № 3. С. 98–100.

7. Болотова Ю. В. Правовое регулирование договорных отношений в сфере реализации сельскохозяйственной продукции: Дисс. ... канд. юрид. наук. М.: Московская сельскохозяйственная академия имени К. А. Тимирязева. 2001. С. 195.

8. Астраханкин А. А. Специфика исполнения договора контрактации // Общество и право. 2010. № 2. С. 34.

УДК/UDC 347.774

Проблемы использования фирменного наименования в предпринимательской деятельности

Костенко Ольга Сергеевна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: kostalya@yandex.ru
SPIN-код: 3537-6585

Аннотация

В данной статье рассматриваются правоотношения, связанные с фирменным наименованием, проблемы злоупотребления правом, недобросовестной конкуренции среди предпринимателей. Автор рассматривает проблемы реализации правообладателем законных прав на фирменное наименование, способы их защиты, а также проблемы использования фирменного наименования в сфере сельского хозяйства и меры, принимаемые государством в целях развития данной области.

Ключевые слова: фирменное наименование, недобросовестная конкуренция, злоупотребление правом, субъекты предпринимательской деятельности, защита прав, сельское хозяйство.

Issues of Using of a Firm-Name in Business Activity

Kostenko Olga Sergeyevna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: kostalya@yandex.ru
SPIN Code: 3537-6585

Abstract

This article touches upon the legal relationship connected with the firm-name, the issues of misuse of right and unfair competition among businessmen. The author examines the issues of realization of the lawful rights on the firm-name by the rightholder and the means of their protection, as well as the issues of using of a firm-name in the field of agriculture and the measures taken by the state in order to develop this field.

Key words: firm-name, unfair competition, misuse of right, subjects of business activiy, rights protection, agriculture.

Фирменным наименованием (фирмой) признается обозначение, используемое для индивидуализации коммерческой организации в обороте. Исторически под фирмой понималось средство индивидуализации как участника предпринимательской деятельности (купца, торговца), так и принадлежащего такому участнику предприятия (дела) [1, 2]. В настоящее время средством индивидуализации предпринимателя является фирменное наименование, а средством индивидуализации предприятия — коммерческое обозначение.

В связи с ужесточением конкуренции на рынке участники предпринимательской деятельности с целью привлечения новой клиентской базы осуществляют вложения в усовершенствование своих рекламных программ, характеристик и качества работ, товаров, услуг. Чтобы выделиться на фоне остальных предпринимателей, используются различительные обозначения, главным из которых является фирменное наименование, которое предоставляет правообладателю монополизировать действия по коммерческой эксплуатации материального объекта, приносящие прибыль, и устанавливать запрет для иных лиц совершать такие действия без разрешения правообладателя.

Субъектами данного вида отношений являются коммерческие организации, которые являются правообладателями исключительного права на фирменное наименование, а также органы исполнительной власти в лице Федеральной налоговой службы, Федеральной антимонопольной службы и Федеральной службы по интеллектуальной собственности, ко-

торые осуществляют регистрацию, лицензирование, реорганизацию, ликвидацию, осуществляют контроль и надзор за деятельностью коммерческих организаций как правообладателей.

В соответствии со ст. 54 Гражданского кодекса РФ каждая коммерческая организация должна иметь фирменное наименование [3]. Оно выполняет роль индивидуализации как деятельности субъекта предпринимательской деятельности, так и его самого. Но индивидуализация одновременно деятельности и субъекта посредством фирменного наименования в теории является спорным вопросом, а на практике вызывает некоторые противоречия. При этом предприниматели, осуществляющие свою деятельность без образования юридического лица, и некоммерческие организации остаются без аналогичной защиты. Это, в свою очередь, приводит к использованию некоммерческими организациями и индивидуальными предпринимателями различительных знаков для кражи клиентской базы. Фирменное наименование содержит в себе указание на организационно-правовую форму и наименование юридического лица, которое не может состоять только из слов, обозначающих род деятельности [4]. Наименование некоммерческой организации должно содержать указание на характер ее деятельности и организационно-правовую форму. Смешение данных понятий приводит к подобного рода нарушениям, в связи с чем данная проблема давно привлекает внимание авторов и требует решения, так как деловая репутация субъектов предпринимательской деятельности является важным фактором работы субъекта, его места на рынке товаров, работ и услуг, а также способствует защите прав потребителей.

Для устранения недобросовестной конкуренции и пресечения незаконного использования фирменного наименования нужно обязать как правообладателей, так и органы исполнительной власти, осуществляющие регистрацию, проверять новизну и сходство до степени смешения таких знаков. Также необходимо создать базу данных со сведениями о всех средствах индивидуализации субъектов предпринимательской деятельности, предусмотреть санкции за незаконное умышленное использование

чужого средства индивидуализации и его регистрации.

При создании базы данных средств индивидуализации субъектов предпринимательской деятельности нужно издать отдельный нормативно-правовой акт, который будет включать в себя сведения о самой базе данных, органах, осуществляющих учет, регистрацию и контроль за достоверностью вносимых сведений, а также специальные требования для отдельных видов организаций в зависимости от вида их деятельности, в том числе содержащиеся в различных федеральных законах.

В законодательстве предусмотрено много способов защиты прав на фирменное наименование как общих, так и специальных, при этом механизм их реализации на практике сталкивается с проблемами процессуального характера. Из-за схожести общих и специальных способов правообладатель не всегда может выбрать верный способ защиты нарушенного права. Для решения этого вопроса необходимо конкретизировать существующий перечень способов, с помощью которых защищается нарушенное право на фирменное наименование.

Для определения степени смешения и заблуждения относительно того, как лицо индивидуализируется данным обозначением, некоторыми авторами предлагается проводить лингвистическую и психологическую экспертизу, т. е. в качестве доказательства использовать общественное мнение. Особенностями системы защиты прав на фирменное наименование являются неприменение мер фактического характера в связи с тем, что оно нематериально; в основном антимонопольная направленность этих мер, применяемых к правообладателям; а также наличие специальных межотраслевых мер, таких как предъявление органом, осуществляющим регистрацию, иска о понуждении юридического лица к изменению фирменного наименования при его несоответствии требованиям закона и принятие в отношении юридического лица, нарушающего исключительные права, судебного решения о его ликвидации [5].

В области сельского хозяйства в настоящее время применение экономических начал интеллектуальной собственности неэффективно, т. к.

существует сложность использования и приспособления к рыночным отношениям в данной сфере. В связи с этим возникла потребность в исследовании экономической значимости интеллектуальной собственности в сельском хозяйстве. Данная проблема рассматривалась многими учеными, такими как В. Иохин, В. Камышанский, Р. Капилюшников, Е. Суханов и другие [6, 7, 8, 9], но так и не была в достаточной мере разрешена.

Государство по данному вопросу осуществляет поддержку сельскому хозяйству посредством развития сельскохозяйственной науки, предоставления обеспечения научной деятельности, создания соответствующей нормативно-правовой базы, содействует международному сотрудничеству в научной сфере. В итоге можно сказать, что в отношении фирменного наименования еще не разрешены все вопросы правоприменения, нет единой теоретической базы как в нашем законодательстве, так и в международно- правовых актах, ограничен круг субъектов, что оставляет незащищенными других лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность.

Список литературы

1. Цитович П. П. Очерк основных понятий торгового права. М.: Центр ЮрИнфоР, 2001. 434 с.

2. Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права: Т. 1: Введение. Торговые деятели. М., 2003. 515 с.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая: Федеральный закон от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52. Ст. 5496.

5. О государственной политике по вовлечению в хозяйственный оборот результатов научно-технической деятельности и объектов интеллектуальной собственности в сфере науки и технологий: указ Президента Российской Федерации от 22.07.1998 № 863 // Российская газета. 1998. 28 июля.

6. Новоселов А. В. К вопросу о правоспособности сельскохозяйственных ко-

оперативов // Успехи современной науки и образования. 2015. № 5. С. 89–92.

7. Новоселов А. В. О проблемах совершенствования правового статуса сельскохозяйственных кооперативов // Успехи современной науки. 2016. Т.2. № 3. С. 98–100.

8. Попова С. И., Шульга А. К. Средства индивидуализации юридических лиц: вопросы теории и практики // Научный журнал КубГАУ. 2015. № 113. С. 1612–1622.

9. Новоселов А. В. Проблемы правосубъектности сельскохозяйственных кооперативов // Научный журнал КубГАУ. 2016. № 120. С. 1199–1210.

УДК/UDC 347.726

Проблемы развития сельскохозяйственных кооперативов на современном этапе

Лаушкина Юлия Игоревна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: laushkina-y@mail.ru

Аннотация

В статье представлен обзор правового регулирования статуса сельскохозяйственных кооперативов. Рассмотрены проблемные вопросы, касающиеся их положения в классификации юридических лиц. Выявлены недостатки действующего законодательства и мер государственной поддержки, а также предложены варианты, способствующие успешному развитию сельскохозяйственных кооперативов.

Ключевые слова: кооперация, сельскохозяйственные кооперативы, IV Всероссийский Съезд делегатов сельскохозяйственных кооперативов, правовое регулирование.

Problems of Agricultural Cooperatives Development at the Present Stage

Laushkina Yuliya Igorevna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: laushkina-y@mail.ru

Abstract

The article presents a review of legal regulation of the status of agricultural cooperatives. The author examines the problems of their position in the classification of artificial persons. The author also reveals the shortcomings of the current legislation and the measures of government support and proposes several variants that will help promote successful development of agricultural cooperatives.

Key words: cooperation, agricultural cooperatives, the IV All-Russia Congress of Agricultural Cooperatives, legal regulation.

В настоящее время Гражданский кодекс Российской Федерации [1] среди юридических лиц выделяет производственные и потребительские кооперативы. Законодательная база кооперации состоит из ряда законов, таких как Закон РФ «О потребительской кооперации в Российской Федерации» [2], Федеральный закон «О сельскохозяйственной кооперации» [3], Федеральный закон «О производственных кооперативах» [4] и другие.

В 2017–2020 годах предлагается увеличить поддержку сельхозкооперативов до 1,5 млрд рублей ежегодно. До регионов уже доведены планы-задания по созданию в 2016–2017 годах не менее 1500 сельхозкооперативов с учётом региональной специфики. Несмотря на это можно отметить, что в системе сельскохозяйственной кооперации накопилось немало проблем, среди которых несовершенство законодательства, недостаточность финансовых и кредитных ресурсов, необходимость государственной поддержки и другие.

На прошедшем 10–11 ноября 2016 г. в Москве IV Всероссийском Съезде сельскохозяйственных кооперативов обсуждались многие, волнующие участников кооперативного движения, вопросы, подводились итоги работы в данной сфере. Общей темой съезда стал вопрос стратегического развития данной отрасли. Отмечается постоянное снижение количества функционирующих сельскохозяйственных кооперативов, что не позволяет им занять своё конкурентное место на рынке сбыта, так как эти рынки монополизируются коммерческими структурами [5].

Также высказывалось мнение о том, что для успешного развития сельскохозяйственных кооперативов, необходимо:

— доносить информацию о преимуществах и возможностях сельскохозяйственных кооперативов через проводимые образовательные мероприятия для граждан;
— объединить сельскохозяйственные кооперативы с перерабаты-

вающими предприятиями, выстроить агрологистическую цепочку, вовлечь в работу оптово-распределительные центры (ОРЦ), создать и развить экспортно ориентированные сельхозкооперативы [5].

Одной из важнейших проблем надлежащего правового обеспечения развития сельскохозяйственных кооперативов являются недостатки гражданского законодательства. Можно сказать, что обозначенные ранее законы, за исключением единственного ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации», не распространяются на регулирование правового статуса сельскохозяйственных кооперативов. ГК РФ производственные кооперативы относит к коммерческим организациям, а потребительские — к некоммерческим. В то же время ГК РФ не воспринимает сельхозкооперативы как самостоятельную форму юридических лиц.

Следует отметить, что сельхозкооперативы имеют ряд особенностей, которые не позволяют им находиться в существующей классификации юридических лиц, а предполагают их обособление. Деление на коммерческие и некоммерческие организации для сельхозкооперативов достаточно условно, так как цели создания у сельскохозяйственных потребительских кооперативов (далее — СПК) и сельскохозяйственных производственных кооперативов (далее — СПрК) похожи: для удовлетворения материальных и иных потребностей членов СПК тоже могут осуществлять предпринимательскую деятельность и распределять полученные доходы [6]. Данный вопрос вызывает дискуссии между разными учёными, но многие соглашаются с тем, что для сельхозкооперативов данное разделение неразумно, потому что в законодательных понятиях СПК и СПрК нет признаков, соответствующих их подразделению на коммерческие и некоммерческие организации. Поэтому возникает противоречие между ГК РФ и ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации» в части определения целей создания сельхозкооператива [7].

Как показывает практика, сокращение количества действующих сельхозкооперативов связано с существующим недоверием сельхозпроизводителей друг к другу, что мешает их объединению в кооператив [8].

Именно доверие и заинтересованность являются залогом крепкого сотрудничества в сельскохозяйственном кооперативе, что определяет его успешное функционирование. При этом наблюдается рост коммерческих юридических лиц, созданных в других организационно-правовых формах, которые заинтересованы только в прибыли и снижении закупочной цены у сельхозпроизводителя. Они, по сути, занимаются перепродажей сельхозпродукции, что ставит в невыгодное положение сельхозпроизводителя, потому что он не имеет возможности самостоятельно реализовать собственную продукцию. Улучшить данную ситуацию можно путём создания сельскохозяйственных кооперативов, объединяющих усилия граждан по производству и переработке сельхозпродукции. В юридической литературе нередко отмечаются преимущества сельхозкооперации перед другими организационно-правовыми формами предпринимательской деятельности, так как её главной целью являются удовлетворение потребностей членов кооператива и защита их интересов [9]. Это более демократичная форма трудовой деятельности, при которой объединение паевых взносов позволяет снизить затраты каждого в процессе совместной деятельности. Также это мотивация для неработающего сельского населения, так как создаются стабильные рабочие места. При этом происходит обеспечение внутреннего рынка натуральной и экологически чистой продукцией, на которую заметно увеличился спрос.

В настоящее время государством разрабатываются различные меры поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей. Предусматриваются льготы по налогу на прибыль, по транспортному, земельному налогу и по НДС [10]. Наряду с этим действует государственная программа развития сельского хозяйства на 2013–2020 годы [11]. Стратегическое развитие предполагает большой вклад как денежный, так и информационный. На данный момент требуется увеличение грантовой поддержки сельхозкооперативов, уменьшение вложенных собственных средств с 40% до 20%, поддержка развития материально-технической базы и иные меры, отражённые в резолюции IV Всероссийского съезда сельскохозяйственных кооперативов [12]. Однако нерешённым остаётся вопрос о про-

граммах развития для сельскохозяйственных кооперативов, которые не меньше нуждаются в поддержке.

Что же мешает развитию сельскохозяйственной кооперации на современном этапе? Во-первых, чтобы воспользоваться правом на получение грантовой поддержки, необходимо составить грамотный и реалистичный бизнес-план, который бы отвечал запрашиваемым требованиям: в частности, деятельность участника конкурса на получение гранта должна быть перспективной [13]. Но не все сельскохозяйственные работники умеют это делать. Зачастую граждане стремятся реализовывать продукцию, не владея полной информацией о спросе на неё. К этому прибавляется недостаточность материальных ресурсов и, как следствие, страх понести убытки. Всё это определённым образом влияет на желание создать рабочий коллектив в форме сельскохозяйственного кооператива. Во-вторых, существует мнение, что малоимущим гражданам кооперация не нужна, а лицам, имеющим первоначальный капитал, проще создать иное коммерческое юридическое лицо [14]. Всё это говорит о слабом информировании граждан о преимуществах сельскохозяйственных кооперативов и недопонимании выгодности и важности этой формы хозяйствования для развития агропромышленного производства.

Вследствие этого проявляется общая тенденция — сомнение в успешности существующей системы сельскохозяйственной кооперации и нежелание пробовать что-то новое.

По нашему мнению, для решения ряда проблем, связанных с эффективным функционированием сельскохозяйственных кооперативов и развитием этой формы предпринимательской деятельности, необходимо:

1) дополнение действующего законодательства, а именно ГК РФ, положениями, определяющими правовой статус сельхозкооперативов как отдельной организационно-правовой формы юридических лиц;
2) совершенствование мер государственной поддержки сельскохозяйственных кооперативов;
3) донесение и разъяснение полной и достоверной информации о

преимуществах сельскохозяйственной кооперации при проведении просветительских мероприятий в сельской местности.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Закон «О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации» от 19 июня 1992 г. № 3085-I // Российская газета. 1992. 23 июля.

3. Федеральный закон «О сельскохозяйственной кооперации» от 8 декабря 1995 г. № 193-ФЗ // Российская газета. 1995. 16 декабря.

4. Федеральный закон «О производственных кооперативах» от 8 мая 1996 г. № 41-ФЗ // Российская газета. 1996. 16 мая.

5. Рыбаков А. Комментарий: Сельскохозяйственная кооперация — стратегический путь развития отрасли [Электронный ресурс] // АККОР: [сайт]. [2017]. URL: http://www.akkor.ru/en/node/3140 (дата обращения: 04.02.2017).

6. Новоселов А. В. Проблемы правосубъектности сельскохозяйственных кооперативов // Научный журнал КубГАУ. 2016. № 120. С. 1199–1210.

7. Новоселов А. В. К вопросу о правоспособности сельскохозяйственных кооперативов // Успехи современной науки и образования. 2015. № 5. С. 89–92.

8. Свеженец В. П. Государственная поддержка сельскохозяйственных кооперативов. Материалы IV Всероссийского Съезда сельскохозяйственных кооперативов // АККОР: [сайт]. [2017]. URL: http://www.mcx.ru/documents/document/show/37115.htm (дата обращения: 04.02.2017).

9. Новоселов А. В. О проблемах совершенствования правового статуса сельскохозяйственных кооперативов // Успехи современной науки. 2016. Т. 2. № 3. С. 98–100.

10. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть вторая: Федеральный закон от 5 августа 2000 г. №117-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 32. Ст. 3340.

11. О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы: постановление Правительства Российской Федерации от 14 июля 2012 № 717-ПП // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 32. Ст. 4549.

12. Резолюция IV Всероссийского съезда сельскохозяйственных кооперативов «Сельскохозяйственная кооперация — стратегический путь развития отрасли»

// АККОР: [сайт]. [2017]. URL: http://www.akkor.ru/statya/3132-iv-vserossiyskiy-sezd-selskohozyaystvennyh-kooperativov.html (дата обращения: 04.02.2017).

13. Гранты на развитие сельского хозяйства в 2016 году // Бизнес-идеал: [сайт]. [2016]. URL: http://business-ideal.ru/granty-na-razvitie-selskogo-xozyajstva (дата обращения: 24.12.2016).

14. Агропромышленный форум / Сельскохозяйственная кооперация // АГРО XXI: [сайт]. [2017]. URL: https://www.agroxxi.ru/forum/topic/3765 (дата обращения: 04.02.2017).

УДК/UDC 347

Институт владения в римском и современном гражданском праве

Марченко Виктория Сергеевна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: vikamarchell@yandex.ru

Глинщикова Татьяна Вадимовна (научный руководитель)
кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного и предпринимательского права
Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: glinshikowa@yandex.ru

Аннотация

Римские юристы полагали, что владение является не правом, а фактом, подчеркивая особенности владельческой защиты. В настоящее время сущность владения целесообразно раскрыть на основе представлений римских юристов об указанном институте, доктринальных подходов, положений законодательства континентальной Европы и дореволюционной России. Только такое углубленное понимание данного института позволит в полной мере решить проблемы, связанные с защитой владения, которые возникают на практике.

Ключевые слова: римское частное право, владение, элементы владения, держание, право собственности, гражданское право.

The Possession Institution in Roman and Modern Civil Law

Marchenko Viktoriya Sergeyevna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia

e-mail: vikamarchell@yandex.ru

Glinshchikova Tatyana Vadimovna (research advisor)
Candidate of Law, assistant professor of the International Private and Business Law Department
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: glinshikowa@yandex.ru

Abstract

Roman lawyers supposed that possession was not a right but a fact and underlined peculiarities of protection of the owners. Currently, the essence of possession should be disclosed on the basis of the ideas of Roman lawyers about this institution, doctrinal approaches, legislation provisions of continental Europe and pre-revolutionary Russia. Only such a profound understanding of this institution will allow to perfectly solve the problems connected with possession protection that arise in practice.

Key words: Roman private law, possession, elements of possession, holding, law of property, civil law.

Свое начало институт владения берет в римском праве, в котором понятие «владение» первоначально возникает в отношении земли. Римские юристы Лабеон и Павел этимологически производили термин «владение» (possessio) от слова оседать, а само владение описывали как postio — поселение на земле. Таким образом, римские юристы связывали владение с непосредственным освоением земли [1].

Римские правоведы, проанализировав состав фактического отношения лица к вещи, выделили два необходимых элемента владения: объективный и субъективный. Первый элемент (corpus) заключается в физической связи лица с вещью. Второй элемент (animus) представляет собой намерение владеть вещью для себя. В случае совпадения этих двух элементов налицо приобретение владения.

Господство должно распространяться на всю вещь в целом во всей ее совокупности свойств. Стоит отметить, что такое состояние должно быть стабильным, представлять собой упрочившееся отношение лица к

вещи. Одновременное владение одной и той же вещью невозможно. Иногда характер владения не позволял владеть совокупностью раздельных вещей. В этом случае владение осуществлялось по отношению каждой отдельной вещи, входящей во всю совокупность.

По мнению Д. В. Дождева, в римском частном праве понятие владения определялось как фактическое господство лица над вещью, которое вытекает из физического отношения лица к предмету владения. По этому основанию владелец исключает конкуренцию любого третьего лица, в том числе и собственника, который может отобрать свою вещь у правильного владельца не иначе как по суду [2].

Стремясь к совершенству правовых конструкций, римские юристы пошли еще дальше. От владения они отличали держание, понимая под ним фактическое осуществление владения за других лиц на почве экономической зависимости от них. В держании отсутствует основной элемент владения — animus, поскольку лицо владеет не для себя, а для другого лица, соответственно, в его господстве над вещью отсутствует волевой элемент владения. Известный римский юрист Гай писал: «Считается, что мы владеем, не только когда владеем мы сами, но и если другой находится во владении от нашего имени» [3]. В качестве держателя мог выступать перевозчик, поклажепринимать, узуфруктуарий, ссудополучатель.

Представление о владении как о факте свойственно и современным ученым. Так, К. И. Скловский утверждает, что владение является не правом, а фактом [4].

Многие государства Западной Европы реципировали римское частное право, понимая его совершенство. В соответствии с римским правом в странах континентальной Европы, таких как Италия, Франция, Германия, владение выделяется в отдельный институт, отличный от права собственности. В правовых системах указанных стран владение рассматривается как отношение, существующее между физическим лицом и материальным объектом, представляющее собой фактическое положение вещей.

Защита владения в Древнем Риме осуществлялась посредством административного приказа претора — интердикта. Вопрос о правовом основании владения претором не исследовался. Такая форма защиты получает в римском праве название посессорного владельческого процесса, который заключается в оперативной защите против нарушения владения или его лишения. Посессорная форма защиты носит самостоятельный характер, поскольку сразу ведет к восстановлению владения, а также носит предварительный характер, так как лицо, проигравшее в споре о владении, позже могло предъявить к ответчику виндикационный иск. Таким образом, посессорная форма защиты в римском праве характеризовалась срочностью и оперативностью.

В странах континентальной Европы посессорная форма гражданского процесса в целях реализации принципа срочности предусматривает ряд дополнительных особенностей, которые не свойственны обычному исковому производству, которое возбуждается при защите большинства гражданских прав. Так, в Германии посессорный процесс о защите владения не предполагает возможности предъявления встречного иска и принятия обеспечительных мер. Нормы австрийского процессуального права определяют, что процессы о нарушении владения могут вестись в судах в упрощенном и сокращенном производстве с особыми изъятиями из общих правил судопроизводства. Суд ограничивается лишь доказательством факта владения и обстоятельствами его нарушения, не принимая во внимание любые возражения о добросовестности, необходимости компенсации нанесенного ущерба. Аналогичным образом нормы о владельческой защите закреплены в законодательстве Швейцарии.

В настоящее время в действующем российском гражданском законодательстве владение не рассматривается в качестве отдельного института. Однако попытка пересмотреть указанный подход была сделана в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобренной решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009). В Концепции, в частности, отмечается, что действующее законодатель-

ство не содержит норм о владении и владельческой защите, что следует признать одним из серьезных недостатков Гражданского кодекса РФ. По мнению разработчиков Концепции, в ГК РФ владение должно быть определено как господство над вещью. Владение следует урегулировать как факт (фактическое отношение). В противном случае невозможно найти место владению в системе институтов вещного права. Если изначально владение трактовать как право, то оно будет пересекаться со многими другими вещными правами. Однако это не означает, что нужно отказаться от правомочия владения, которое входит в состав ряда вещных прав. Предлагается также в ГК РФ указать такие виды владения, как законное и незаконное, добросовестное и недобросовестное [5].

Таким образом, для понимания сущности владения нужно опираться на доктринальные подходы, законодательство дореволюционной России, нормы иностранного права и правоприменительную практику.

Несмотря на то что положения, которые легли в основу Концепции, были четко сформулированы с опорой на римское частное право, где его разработка достигла пика совершенства, институт владения так и не нашел отражения в Гражданском кодексе Российской Федерации. Таким образом, следует обратить внимание на столь серьезную проблему и завершить начатое дело: внести поправки в Гражданский кодекс РФ, создав правовую базу подобную римскому частному и европейскому праву, обеспечив защиту владельца.

Список литературы

1. Римское частное право: Учебник / под ред. профессоров И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М.: Издадельство «Юрайт», 2015. С. 148.

2. Дождев Д. В. Римское частное право: Учебник для вузов / под редакцией члена-корр. РАН, профессора В. С. Нерсесянца. М.: Издательство «Норма», 2000. С. 16.

3. Гарридо М. Х. Г. Римское частное право: Казусы, иски, институты. М.: Статут, 2005. С. 306.

4. Скловский К. И. Владение как фактор, определяющий способ защиты вещного права. М.: Контракт, 2015. С. 21.

5. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

УДК/UDC 347.44

Договорная подсудность в системе предпринимательских отношений

Моздор Валерий Александрович
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: valera.mozdor@mail.ru

Шульга Антонина Константиновна (научный руководитель)
кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного и предпринимательского права
Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия

Аннотация

В данной статье рассмотрены проблемы правового регулирования договорной подсудности в предпринимательской деятельности. Определены проблемные вопросы данной подсудности и пути их решения.

Ключевые слова: договорная подсудность, договор, предпринимательство, правоприменение, предпринимательские отношения.

Agreed Jurisdiction in the Business Relationship System

Mozdor Valeriy Aleksandrovich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: valera.mozdor@mail.ru

Shulga Antonina Konstantinovna (research advisor)
Candidate of Law, assistant professor of the International Private and Business Law Department

Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia

Abstract

This article touches upon the issues of legal regulation of agreed jurisdiction in business activity. The author defines the problems of this jurisdiction and the ways to resolve them.

Key words: agreed jurisdiction, agreement, business, law enforcement, business relationship.

Договорная подсудность играет большую роль как в жизни нашей страны и мира, так и какого-либо отдельно взятого субъекта. После перехода к рыночной экономике и совершенствования и усложнения договоров, заключаемых между предпринимателями, необходимо подробное регламентирование заключения соглашений о подсудности.

У российских ученых до сих пор нет определения договорной подсудности, так как ей не уделяется достаточно внимания, кроме того, нет достаточно четкого мнения по поводу предмета соглашения, а также его формы, что обостряет актуальность данного исследования.

В настоящее время не существует определения договорной подсудности, кроме указанного в статье 32 Гражданского процессуального кодекса РФ [1], которое гласит, что стороны по соглашению между собой могут изменить территориальную подсудность до момента принятия судом дела к производству. Аналогична по содержанию статья 37 Арбитражного процессуального кодекса [2]. В связи с этим есть необходимость выработать определение с целью упрощения понимания и регулирования данных правоотношений. На наш взгляд, наиболее полным и объемным будет такое определение договорной подсудности: Договорная подсудность — подсудность, установленная соглашением сторон, изменяющая территориальную подсудность, за исключением случаев изменения соглашением сторон исключительной и родовой подсудности, призванная урегулировать и упростить доступ к правосудия, обеспечить надлежа-

щую комфортность рассмотрения спора и обеспечить надлежащим образом интересы сторон.

По поводу предмета договорной подсудности также до сих пор нет единого мнения. Есть две точки зрения на предмет договорной подсудности:

1) предмет договорной подсудности характеризуют как уже возникший между сторонами спор или спор, который как уже возник, так и который может возникнуть в любой момент [3];
2) предмет подсудности рассматривается как объем соглашения и указание на суд, уполномоченный рассматривать спор [4, 5, 6].

)

Наиболее убедительной представляется вторая точка зрения, так как она позволяет наиболее полно охарактеризовать возникшее между сторонами правоотношение.

Как в теории, так и в практике применения судами отсутствует единый взгляд на форму соглашения о подсудности, разъяснения также не дают ответа на данный вопрос. Так, некоторые считают, что форма соглашения считается соблюденной в случае достижения договоренности в любой форме [7], другие же настаивают на том, что обязательна для соглашения сторон письменная форма выражения.

Наиболее предпочтительной на практике формой для договора о подсудности, который может быть оформлен как в виде отдельного документа, так и включен в договор, считается письменная форма выражения. Эта форма считается предпочтительно благодаря следующим положениям:

1) есть надежные доказательства того, что выбран именно этот суд, и спор выбывает из компетенции другого суда;
2) будет отсутствовать затягивание процесса из-за возможной ссылки на незаключение соглашения у недобросовестного контрагента;
3) это позволит рассмотреть спор, если он возникнет, в том суде, который выбрали стороны, без неудобств, которые могли бы

возникнуть в связи с рассмотрением спора в другом суде.

)

Зачастую также на практике суд по спорам между юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями с одной стороны и с физическими лицами с другой стороны принимает сторону слабой стороны спора или потребителей. Это допускается, если пункт недобросовестно был включен в условия договора или в ином случае злоупотребления правом, когда явно нарушается равенство сторон и одна из них ставится в невыгодное положение. На практике данные условия отменяются судами, и рассмотрение производится по правилам общей подсудности.

Также следует сказать несколько слов и о назревающем объединении двух кодексов — ГПК и АПК: в концепции единого Гражданского процессуального кодекса нет ответа на вопрос, какими будут правила о подсудности в новом кодексе [8]. В связи с этим, опять же, возникает вопрос, как будет регулироваться данный институт в законодательстве РФ.

Договорная подсудность как неотъемлемая часть предпринимательских отношений занимает значительное место в их регулировании и становлении, а потому существует необходимость реформировать и развивать данный институт в законодательстве РФ с целью упорядочивания товарооборота и взаимоотношений между коммерческими организациями и индивидуальными предпринимателями. Для этого необходимо обязательно указать в нормативно-правовых актах обязательную форму для данных соглашений — письменную. Нужно вывести определенные ограничения в рамках института с целью минимизации возможности злоупотребления правом и как можно подробнее законодательно регламентировать данную сферу, так как нет еще достаточно четких указаний Верховного суда о том, как поступать в том или ином случае, и судьи принимают противоречащие друг другу решения.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Российская газета. 2002. 20 ноября. № 220.

2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Российская газета. 2002. 27 июля. № 137.

3. Гойхбарг А. Г. Курс гражданского процесса. М.: Государственное издательство, 1928. С. 173.

4. Грель Я. В. Соглашение о подсудности в гражданском процессуальном праве // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. №8.

5. Грель Я. В. Институт договорной подсудности в гражданском процессуальном праве // Адвокатская практика. 2007. №1. С. 37.

6. Рожкова М. А., Елисеев Н. Г., Скворцов О. Ю. Договорное право: соглашения о подсудности, международной подсудности, примирительной процедуре, арбитражное (третейское) и мировое соглашения / под общ. ред. М. А. Рожковой. М.: Статут, 2008. С. 44, 46.

7. Анненков К. Н. Опыт комментария к Уставу гражданского судопроизводства. Т. 1: Подсудность. СПб: Типография М. М. Стасюлевича, 1887. С. 19

8. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российского Федерации. М., 2015. С. 11.

УДК/UDC 346

К вопросу об установлении преднамеренного и фиктивного банкротства

Перевалова Екатерина Андреевна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: katja-perevalova442@yandex.ru

Астраханкин Александр Андреевич (научный руководитель)
старший преподаватель кафедры международного частного и предпринимательского права
Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: astrahankin_a_a@mail.ru

Аннотация

В статье приводятся понятие и основные характерные черты преднамеренного и фиктивного банкротства. Рассматриваются примерные схемы осуществления фиктивного и преднамеренного банкротства.

Ключевые слова: банкротство, преднамеренное банкротство, фиктивное банкротство, мошенничество, несостоятельность.

On the Issue of Ascertainment of Deliberate and Fraudulent Bankruptcy

Perevalova Yekaterina Andreyevna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: katja-perevalova442@yandex.ru

Astrakhankin Aleksandr Andreyevich (research advisor)
senior lecturer of the International Private and Business Law Department

Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: astrahankin_a_a@mail.ru

Abstract

The article provides the notion and the main characteristics of deliberate and fraudulent bankruptcy. The author examines approximate schemes of deliberate and fraudulent bankruptcy.

Key words: bankruptcy, deliberate bankruptcy, fraudulent bankruptcy, insolvency.

Под несостоятельностью (банкротством) понимается признанная арбитражным судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей [1].

Основополагающими целями несостоятельности (банкротства) является, с одной стороны, при наличии такой возможности, — восстановление платежеспособности должника, что сохраняет налогоплательщика, рабочие места и нервы кредиторов, поскольку последние получают полный расчет по своим правам требования, с другой стороны — эксключение проблемного хозяйствующего субъекта из гражданского оборота с наименьшими потерями для всех лиц, интересы которых так или иначе затрагиваются, когда санация невозможна. На практике нередки случаи, когда недобросовестные субъекты предпринимательства используют механизмы правового регулирования для целей ухода от негативных последствий, предусмотренных законодательством за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств, вследствие чего причиняется вред кредиторам. Здесь имеется ввиду так называемое «лжебанкротство», проявляющееся в форме фиктивного и преднамеренного банкротства.

В соответствии со статьей 196 Уголовного кодекса РФ, под пред-

намеренным банкротством понимаются действия умышленного характера руководства либо собственников организации-должника, направленные на создание или увеличение неплатежеспособности своей организации посредством совершения сделок при участии аффилированных лиц на заранее известных невыгодных условиях, сокрытия или уменьшения имущества, внесения в бухгалтерскую и иную отчетность недостоверных сведений и пр. [2]

Согласно статье 197 УК РФ, фиктивным признается заведомо ложное публичное объявление руководителем или учредителем (участником) юридического лица о несостоятельности данного юридического лица либо индивидуального предпринимателя о наступлении своей несостоятельности в случае, если это деяние причинило крупный ущерб [2].

Целью фиктивного банкротства является возможность получения рассрочки по долгам и приостановление начисления пеней и штрафов с использованием предусмотренных законом о банкротстве санационных механизмов. Фактически организация на некоторый промежуток времени получает доступ к безвозмездному использованию чужих денежных средств, посредством чего происходит обогащение.

Как правило, для того чтобы формально соответствовать признакам банкротства, организация искусственно задерживает расчеты с кредиторами, в том числе не исполняет обязанности по уплате налогов и сборов.

Целью преднамеренного банкротства является обогащение должника путем уклонения от расчетов с кредиторами вследствие выведения активов организации и оставлении на «оболочке» юридического лица всей кредиторской задолженности.

Схема преднамеренного банкротства примерно выглядит следующим образом:

1. Вывод активов. Организация, перед тем как объявить о своем банкротстве, лишается всего ликвидного имущества. Осуществляется вывод основных средств из организации по заниженным ценам, заключаются фиктивные договоры об оказании услуг, приобретается по необос-

нованно завышенной цене имущество и т. д.

После этого на балансе предприятия зачастую остаются незавершенные объекты капитального строительства, интеллектуальная собственность в виде ее денежной оценки, иное неликвидное имущество. Такие объекты создают впечатление, что у организации имеются в наличии активы, но в реальности они не обладают совершенно никакой ценностью. Здесь стоит отметить, что подобного рода действия совершаются заблаговременно для целей предотвращения оперативного вмешательства со стороны кредиторов.

2. Вывод кадров. Если целью является создание новой организации и оставление предшествующей в виде оболочки с долгами, то нередки случаи и постепенного перевода персонала для последующего осуществления хозяйственной деятельности.

3. Банкротство. Реализация остатков имущества и перераспределение полученных денежных средств между кредиторами в рамках конкурсного производства. Погашение оставшейся задолженности с последующим исключением организации из реестра.

С целью пресечения подобного рода практик считаем необходимым:

1) расширить временные границы признания недействительными сделок, заключенных в преддверии банкротства;
2) применять к учредителям, а также к лицам, осуществляющим фактический контроль за деятельностью организации, субсидиарную ответственность по обязательствам юридического лица вне зависимости от организационно-правовой формы в случае выявления признаков преднамеренного или фиктивного банкротства;
3) увеличить сроки, в течение которых учредители, а также лица, осуществляющие фактический контроль за деятельностью организации, не смогут заниматься предпринимательской деятельностью.

Список литературы

1. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. 17 июня. № 25. Ст. 2954.

УДК/UDC 341.96

Защита и осуществление прав граждан Российской Федерации за рубежом

Саенко Дарья Георгиевна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: dariasaenko@mail.ru

Кудрявцева Лариса Владимировна (научный руководитель)
кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного и предпринимательского права
Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: larisa-k75@mail.ru
SPIN-код: 1829-7886
AuthorID: 574423

Аннотация

В настоящей статье рассматриваются общие положения об определении права, подлежащего применению к наследственным правоотношениям с иностранным элементом, участниками которых являются граждане Российской Федерации. В статье проведен анализ соответствующих положений действующих в этой сфере международных договоров, участником которых является Российская Федерация, и дана оценка обеспечения и защиты наследственных прав российских граждан за рубежом.

Ключевые слова: наследство, иностранный элемент, консульство, представительство, имущество, принятие наследства, защита прав.

Protection and Realisation of Rights of the Citizens of the Russian Federation Abroad

Sayenko Darya Georgiyevna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia
e-mail: dariasaenko@mail.ru

Kudryavtseva Larisa Vladimirovna (research advisor)
Candidate of Law, assistant professor of the International Private and Business Law Department
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: larisa-k75@mail.ru
SPIN Code: 1829-7886
AuthorID: 574423

Abstract

This article touches upon general propositions on defining the law which should be applied to inheritance legal relationship with a foreign element in which citizens of the Russian Federation are involved. The author analyses the relevant provisions of the international agreements that are effective in this field and to which the Russian Federation is a party. The author also assesses ensuring and protection of inheritance rights of Russian citizens abroad.

Key words: inheritance, foreign element, consulate, representative office, property, acceptance of inheritance, rights protection.

Проблема анализа правовых значений в международном частном праве остается малоизученной специалистами в рассматриваемой сфере [1]. Так, в случае смерти гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства или нахождения его имущества за границей возникает наследственное правоотношение с иностранным элементом. Здесь возникает вопрос о том, в соответствии с каким правом будет осуществляться наследование и как смогут осуществить и защитить свои права его наследники, имеющие российское гражданство и проживающие в России.

Определение применимого права к наследственным правоотношениям с иностранным элементом возможно как с помощью национальных коллизионных норм, так и правил, установленных в международных до-

говорах [2]. Российская Федерация участвует во многих двухсторонних и многосторонних международных соглашениях, регулирующих в том числе и наследственные правоотношения с иностранным элементом [3]. Так, в Минской конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, заключенной между странами СНГ, установлено, что право наследования имущества определяется по законодательству договаривающейся стороны, на территории которой наследодатель имел последнее постоянное место жительства или на территории которой находилось его недвижимое имущество. По этим же критериям определяется компетенция учреждений, ведущих дела по наследству, в том числе судов, в случае возникновения наследственных споров [4]. Тем не менее в двусторонних международных соглашениях, участником которых является Российская Федерация, содержатся различные положения о применимом праве при наследовании движимых вещей. Так, в одном случае подлежит применению право государства, на территории которого наследодатель имел последнее постоянное местожительство [5]. Второй возможный вариант — отсылка коллизионной нормы к законодательству государства, гражданином которого является наследодатель [6].

Отдельно рассматривается ситуация, когда наследственное имущество признается выморочным. Тогда применимое право определяется в зависимости от того, является ли такое имущество движимым или недвижимым. В первом случае оно подлежит передаче государству, чьим гражданином является наследодатель, а во втором — договаривающейся стороне, на чьей территории расположена недвижимость. Важно также отметить, что в многосторонних и двусторонних международных соглашениях между Российской Федерацией и другими государствами, регулирующих наследственные правоотношения, обычно закрепляется принцип равенства, означающий, что при наследовании и совершении или отмене завещаний на территории каждой из договаривающихся сторон гражданам других договаривающихся сторон предоставляется национальный режим.

В защите наследственных прав российских граждан за рубежом большое значение играют российские консульские учреждения. В соответствии с Положением о Консульском учреждении Российской Федерации, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 05.11.1998 № 1330, в качестве одной из задач консульских учреждений признается осуществление функций в отношении наследства с соблюдением законодательства государства пребывания [7]. Статья 38 Основ законодательства о нотариате относит к компетенции должностных лиц консульских учреждений принятие мер к охране наследственного имущества [8]. Иные действия консула в отношении такого имущества осуществляются в соответствии с международными соглашениями о правовой помощи и консульскими конвенциями. Так, Консульская конвенция между Правительством СССР и Правительством США предусматривает, что в случае, если наследодатель не оставил в государстве пребывания ни наследников, ни исполнителя завещания, консульские должностные лица имеют право принять временную опеку над собственностью наследодателя, при условии передачи такой временной опеки назначенному в установленном порядке администратору, а также право распорядиться наследственным имуществом гражданина, не проживающего на момент своей смерти в государстве пребывания, при условии, что в случае, если консульское должностное лицо уполномочено управлять имуществом, то оно перестанет осуществлять такое управление по назначении другого администратора [9].

Одним из важных полномочий, предоставляемых консульским учреждениям Российской Федерации в соответствии с рядом международных соглашений, является право по делам о наследовании представлять граждан своего государства без доверенности, если эти граждане не в состоянии защитить свои интересы самостоятельно вследствие отсутствия или иной уважительной причины, кроме случаев, когда выполнение функций представителя уже не поручено другому лицу. Таким образом, чтобы принять наследство в иностранном государстве, гражданину Российской Федерации необязательно ехать в соответствующее

государство, принятие наследства возможно осуществить через консульское учреждение.

В случае смерти российского гражданина за границей соответствующие компетентные учреждения прежде всего обязаны немедленно уведомить об этом консульское или же дипломатическое представительство Российской Федерации, сообщив всю известную информацию, касающуюся наследственного имущества, наследников, отказополучателей, наличия завещания. Это уведомление имеет не только исключительно информационное значение. В соответствии с рядом двусторонних международных договоров именно со дня уведомления консульского или дипломатического представительства о смерти наследодателя начинает течь срок принятия наследства [10].

Обязательным действием при определении круга наследников является выяснение информации о наличии или отсутствии завещания, составленного наследодателем. Если имеет место закрытое завещание, то ряд международных соглашений предусматривает, что его вскрытие и оглашение относится к компетенции того государства, на территории которого находится завещание. В том случае, если производство по наследственному делу ведется учреждением юстиции другой договаривающейся стороны соглашения, то засвидетельствованная копия завещания и протокол о состоянии и содержании завещания, а в некоторых случаях засвидетельствованная копия протокола об оглашении завещания, и по требованию сам оригинал завещания передаются такому учреждению [6].

Если гражданин умер во время поездки по территории государства, в котором не имел постоянного места жительства или пребывания, то находящиеся при нем вещи и денежные средства подлежат передаче в консульское или дипломатическое представительство Российской Федерации без возбуждения какого бы то ни было специального производства.

Таким образом, гражданам Российской Федерации в полной мере и без каких-либо ограничений предоставлена возможность осуществления и защиты своих наследственных прав, когда наследование осуществля-

ется в соответствии с законодательством иностранного государства.

Список литературы

1. Кудрявцева Л. В. Значение норм международного частного права в регулировании трудовых отношений мигрантов из стран СНГ в Российской Федерации // Краснодар: Парабеллум. 2011. С. 9.

2. Шелухина А. А., Кудрявцева Л. В. Правовое регулирование наследования иностранных граждан в Российской Федерации и российских граждан за рубежом // Наука. Технологии. Инновации. Сборник научных трудов: в 9 ч. 2016. С. 184.

3. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Венгерской Народной Республикой об оказании правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам (подписан в г. Москве 15.07.1958) (ред. от 19.10.1971) (вместе с «Протоколом к Договору об оказании правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам, подписанному между Союзом Советских Социалистических Республик и Венгерской Народной Республикой в Москве 15 июля 1958 года» от 15.07.1958) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

4. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минск, 22 января 1993 года) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

5. Договор между СССР и Чехословацкой Социалистической Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (подписан в г. Москве 12.08.1982) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

6. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Корейской Народно-Демократической Республикой об оказании правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам (подписан в г. Пхеньяне 16.12.1957) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

7. Об утверждении Положения о Консульском учреждении Российской Федерации: указ Президента РФ от 05.11.1998 № 1330 (ред. от 21.08.2012) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

8. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

9. Консульская конвенция между СССР и Соединенными Штатами Америки (вместе с «Протоколом к Консульской конвенции между Правительством СССР и Правительством Соединенных Штатов Америки») (заключена в г. Москве 01.06.1964) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

10. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Народной Республикой Болгарией о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам (подписан в г. Москве 19.02.1975) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

УДК/UDC 341.9

Обязательства вследствие действий в чужом интересе без поручения: сравнительно-правовой анализ

Самсонов Сергей Александрович
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: s-samsonoff@mail.ru

Кудрявцева Лариса Владимировна (научный руководитель)
кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного и предпринимательского права
Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: larisa-k75@mail.ru
SPIN-код: 1829-7886
AuthorID: 574423

Аннотация

В данной статье путём сравнительно-правового метода рассматриваются отличительные особенности в обязательствах вследствие действий в чужом интересе без поручения в Российской Федерации и других странах континентальной правовой семьи, а также вносятся предложения по совершенствованию российского законодательства в этой области.

Ключевые слова: обязательства, законодательство, доминус, гестор, интерес, поручение.

Liability due to Actions Without Delegation in the Interest of Another Person: Comparative Legal Analysis

Samsonov Sergey Aleksandrovich

student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: s-samsonoff@mail.ru

Kudryavtseva Larisa Vladimirovna (research advisor)
Candidate of Law, assistant professor of the International Private and Business Law Department
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: larisa-k75@mail.ru
SPIN Code: 1829-7886
AuthorID: 574423

Abstract

With the help of comparative legal analysis, the author examines the characteristics of liability due to actions without delegation in the interest of another person in the Russian Federation and the other countries of the continental legal family. The author also puts forwards proposals on improvement of the Russian legislation in this field.

Key words: liability, legislation, dominus, gestor, interest, delegation.

Действия в чужом интересе без поручения чаще всего носят негативный характер, но в некоторых случаях они приводят и к положительному результату. Если лицо не успело дать поручение относительно своего имущества, за которым необходимо наблюдение, то наиболее ответственным лицам приходится брать дело в свои руки и осуществлять управление имуществом, бизнесом. Но управление делом — это работа, а работа требует вознаграждения и контроля. В экономической и юридической литературе, следует отметить, нет чёткости в определении понятия «работа» [1].

Рассматривая вопрос об обязательствах вследствие действий в чужом интересе без поручения, необходимо отметить, что некоторые учёные, например, Е. А. Суханов, выделяют два вида подобных обязательств. Первый вид представляет собой урегулированные законом

гражданские правоотношения, когда одно лицо, спасая в экстремальной ситуации жизнь и имущество другого лица, предпринимает необходимые действия без согласия этого лица, вследствие чего наносится ущерб имуществу [2]. В статье 980 главы 50 Гражданского кодекса РФ, посвящённой этому виду обязательств, чётко обозначено, что такие действия направлены на защиту и принесение пользы кредитору и не являются противоправными [3].

Второй вид данных обязательств не связан с наличием экстремальной ситуации и предполагает правомерные действия (чаще всего заключение сделок), на которые лицо не выразило чёткого и своевременного согласия. В данном случае должник также действует не для себя, а для блага другого лица, то есть кредитора. Для данного вида обязательств лицо, чьё имущество было сохранено (заинтересованное лицо) имеет обязательства перед тем лицом, которое оказало ему своего рода услугу.

Обязательства из действий в чужом интересе без поручения имеют следующие отличительные черты (в данном случае речь идёт об общих признаках первого и второго вида обязательств): во-первых, это действия одного лица в интересах другого лица; во-вторых, согласие на подобные действия заинтересованное лицо не давало; в-третьих, действия направлены на приобретение заинтересованным лицом выгоды.

Таковы основные положения об обязательствах вследствие действий в чужом интересе без поручения. Необходимо отметить, что в разделе 6 ГК РФ «Международное частное право» не упомянуто о том, какое правило действует для данного вида обязательств. Поэтому представляется нецелесообразным проводить сравнение положений, касающихся определения права, применимого к данным правоотношениям, между, например, Регламентом «Рим II» и Гражданским кодексом РФ. Но разумно было бы сравнить общие черты и особенности регулирования обязательств данного вида, указанные в Гражданском кодексе РФ, с теми, которые имеются в основных актах в области гражданского права других стран континентальной системы права, в частности с Французским гражданским кодексом (далее — ФГК), Германским гражданским

уложением (ГГУ) и Швейцарским основным законом (ШОЗ).

Первой общей позицией, отражённой во всех вышеуказанных законах, является то, что одно лицо может заботиться об имуществе другого лица, не получив от него какого-либо чёткого устного или письменного указания. Особенностью является формулировка, определяющая степень заботливости, которую должно проявлять это лицо в отношении оберегаемого им имущества, и предположительная линия поведения этого лица, именуемого в некоторых источниках «гестор». В статье 1372 ФГК указано, что это лицо, которое называется в ФГК «управляющим», должно выполнять всё то, что следует из этого дела, а в статье 1374 ФГК указано, что «управляющий» должен проявлять «заботу рачительного хозяина» [4]. Данная формулировка представляется довольно расплывчатой, поскольку в силу разных взглядов у людей разные представления о рачительности, и данная норма даёт достаточно широкий диапазон для толкования. Более конкретной является норма параграфа 677 ГГУ, в которой указано, что гестор обязан действовать в соответствии с интересами и предполагаемым волеизъявлением собственника имущества [5]. Аналогичная норма содержится и в статье 419 ШОЗ. Основываясь на знании пункта 1 статьи 980 ГК РФ, мы можем отметить сходство как с французской позицией закона, так и с мнениями немецкого и швейцарского законодателя, что делает норму ГК РФ наиболее полной и точной [3].

Второй точкой пересечения является то указание нормативных правовых актов разных стран, согласно которому лицо, управляющее имуществом другого лица, несёт ответственность за все убытки. В разных странах размер этой ответственности варьируется. Согласно статье 1374 ФГК, лицо несёт практически полную ответственность за все свои действия, объём ответственности может быть ограничен лишь судом [4]. Согласно статье 420 ШОЗ, управляющий отвечает за любое умышленное причинение вреда и за грубую неосторожность. По статье 988 ГК РФ вред возмещается согласно правилам главы 59 ГК РФ, то есть при наличии вины, но в некоторых случаях согласно статье 1064 ГК РФ до-

пускается безвиновная ответственность [3].

Третьим общим пунктом ФГК, ГГУ, ШОЗ и ГК РФ является то положение, в котором говорится, что заменённый гестором в управлении имуществом собственник, иначе называемый «доминус», обязан возместить «управляющему» некую сумму убытков, понесённых им во время управления имуществом. Но каждый нормативный правовой акт по-своему определяет приблизительный размер этого вознаграждения. В статье 1375 ФГК указано, что собственник, дело которого велось «надлежащим образом», обязан возместить управляющему «все понесённые им уместные или необходимые расходы» [4]. Неизвестным остаётся способ определения того, велось ли дело «надлежащим образом». В параграфах 683 и 684 ГГУ отмечено, что лицо, принявшее на себя дело (здесь, вероятно, подразумевается осуществление неких торговых операций, принятие долга и т. д.) в соответствии с действительной или предполагаемой волей хозяина, который впоследствии одобрил ведение дела, имеет право на возмещение своих расходов. Однако если лицо не выступало в качестве «негласного поверенного», то есть не приняло дело в соответствии с волей хозяина, то последний обязан передать всё приобретённое гестором имущество в его (гестора) распоряжение [5].

Статья 422 ШОЗ предусматривает компенсацию доминусом расходов гестора (имеются в виду по данной статье «все необходимые затраты», а также «полезные затраты» с процентами) вне зависимости от положительного результата действий последнего (в виде, возможно, имущественного прироста у доминуса), но если «управляющим» была проявлена должная осмотрительность при ведении дел. Также в этой статье конкретизирован размер доходов гестора, который, помимо возмещения совершённых им расходов, может получить проценты от потраченных им своих средств. Следует отметить сходство в ФГК и ШОЗ, а также прогрессивность того положения, согласно которому «управляющий» и в случае прямого неодобрения хозяином его (гестора) действий имеет право на возмещение расходов, понесённых при ведении дел, что косвенно вытекает из статьи 1375 ФГК [2]. В ГК РФ размер компенсации

«управляющему» зависит от одобрения его действий собственником и положительного результата для собственника [3]. Всё же в любом случае гестор получает право на возмещение своих расходов.

Но предполагается спорным пункт об отсутствии вознаграждения и возмещения расходов при прямом неодобрении доминуса. Хотя, если речь идёт о вполне здравомыслящем лице, то это позиция вполне разумна. Однако когда речь идёт о лице, которое намеренно по тем или иным причинам отказывается контролировать свои дела (например, для создания ситуации преднамеренного банкротства), то вполне возможно, что стоит пересмотреть отношение к данному запрету. Прогрессивно решают данный вопрос параграфы 679 и 683 ГГУ, согласно которым неодобрение лица не принимается во внимание, если необходимые управляющим действия совершаются с нарушением публичных интересов и не выполняются обязанности по содержанию доминусом определённых лиц [5]. «Управляющий» при этом может получить вознаграждение, даже если он вёл дела против воли собственника имущества. Следовало бы ввести аналогичную статью в главу 50 ГК РФ, где были бы сохранены права гестора и защищались интересы лиц, с которыми сотрудничает или за содержание которых отвечает доминус.

Хотелось бы отметить отдельные положения в законах Франции, Германии и Швейцарии, которые не имеют общих точек пересечения во всех нормативно-правовых актах вышеупомянутых стран, но нашедшие отражение в Гражданском кодексе РФ. Это и обязанность уведомлять при первой возможности собственника о ведении дела без поручения (статья 981 ГК РФ), которая схожа со статьёй 681 ГГУ [5], и положение статей 983 ГК РФ и 680 ГГУ, которые говорят о возможности ведения дел без поручения и согласия лица в целях спасения его жизни или имущества, и положения статей 982 ГК РФ и 424 ШОЗ, подтверждающих, что после одобрения собственником действий «управляющего» их правоотношения подчиняются договору поручения.

Стоит выделить некоторые положительные моменты, которые было бы полезно внедрить в Гражданский кодекс РФ, предварительно

адаптировав к современному российскому законодательству. Например, полезно положение, встречающееся в статье 1373 ФГК [4], согласно которому лицо, ведущее дело и отвечающее за имущество наследодателя без поручения последнего, должно передать его наследникам и при этом имеет право на вознаграждение. Ведь в разделе 5 ГК РФ [3] не предусмотрены случаи, когда какое-либо лицо без поручения отвечает за имущество наследодателя, поскольку последний просто не успел дать необходимое поручение. Также целесообразным было бы положение из параграфа 686 ГГУ, [5] согласно которому лицо, которое управляло имуществом и заблуждалось в отношении личности собственника, обязано передать истинному собственнику все права и обязанности, возникшие в ходе управления имуществом.

Таким образом, необходимо отметить, что имеются некоторые сходные черты в регулировании обязательств вследствие действий в чужом интересе без поручения в разных нормативных правовых актах Российской Федерации, Франции, Германии и Швейцарии.

Список литературы

1. Кудрявцева Л. В. Правовая природа договора подряда // Казанская наука. 2014. № 2. С. 170.

2. Суханов Е. А. Гражданское право. 2008. URL: http://www.be5.biz (дата обращения: 17.02.2017).

3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая: Федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства Росссийской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.

4. Кодекс Наполеона от 21.03.1804 (в редакции от 22.03.2015) URL: http://constitutions.ru/ (дата обращения: 17.02.2017).

5. Германское гражданское уложение от 01.01.1900 (в редакции от 22.07.2014) URL: http://constitutions.ru/ (дата обращения: 17.02.2017).

УДК/UDC 347.19

Некоторые вопросы регулирования правового статуса крестьянского (фермерского) хозяйства

Симоненко Виолетта Владимировна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: will1996@bk.ru

Аннотация

В данной статье рассматривается гражданско-правовой статус крестьянского (фермерского) хозяйства. Автор статьи раскрывает социально-правовую природу К(Ф)Х, обращается к понятию сельскохозяйственного товаропроизводителя, рассматриваются меры государственной поддержки и существующие правовые проблемы функционирования К(Ф)Х. Также анализируются предложения, способствующие развитию и совершенствованию деятельности крестьянского (фермерского) хозяйства.

Ключевые слова: крестьянское (фермерское) хозяйство, агропромышленный комплекс, сельскохозяйственный товаропроизводитель, сельское хозяйство, аграрное производство, государственная поддержка.

Some Issues of Regulation of the Legal Status of the Peasant (Farm) Enterprise

Simonenko Violetta Vladimirovna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: will1996@bk.ru

Abstract

In this article, the author examines the civil legal status of the peasant (farm) enterprise. The author describes the social legal nature of the peasant (farm) enterprise,

resorts to the notion of agricultural commodity producer, examines the measures of government support and the existing legal problems of functioning of the peasant (farm) enterprise. The author also analyses the proposals which may help to develop and improve the activity of the peasant (farm) enterprise.

Key words: peasant (farm) enterprise, agricultural sector, agricultural commodity producer, agriculture, agrarian production, government support.

Крестьянское (фермерское) хозяйство (далее — К(Ф)Х) относится к объединениям граждан с особым правовым статусом, осуществляющим деятельность в области сельского хозяйства.

В настоящее время основой законодательства Российской Федерации, в соответствии с которой осуществляют свою деятельность К(Ф)Х, являются Гражданский кодекс РФ [1], Федеральный закон «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» [2]. Однако детальный анализ этих актов показывает, что многие нормы требуют уточнения, особенно в определении правового статуса К(Ф)Х и правового режима собственности его членов.

Крестьянское (фермерское) хозяйство — объединение граждан, связанных родством и (или) свойством, имеющих в общей собственности имущество и совместно осуществляющих производственную и иную хозяйственную деятельность (производство, переработку, хранение, транспортировку и реализацию сельхозпродукции), основанную на их личном участии. Члены К(Ф)Х свободны в составлении завещания любого принадлежащего им имущества и могут назвать в числе наследников, как других членов хозяйства, так и любых иных лиц [3].

Согласно ГК РФ граждане, ведущие совместную деятельность в области сельского хозяйства без образования юридического лица, вправе создать юридическое лицо — крестьянское (фермерское) хозяйство [1].

Крестьянским (фермерским) хозяйством, создаваемым в качестве юридического лица, признается добровольное объединение граждан на основе членства для совместной производственной или иной хозяйственной деятельности в области сельского хозяйства, основанной на их лич-

ном участии и объединении членами крестьянского (фермерского) хозяйства имущественных вкладов (ст. 86.1 ГК РФ) [1].

Вместе с тем К(Ф)Х вправе осуществлять деятельность на основе регистрации его главы как предпринимателя. Главой К(Ф)Х является один из дееспособных членов К(Ф)Х. Глава К(Ф)Х представляет интересы К(Ф)Х в отношениях с предприятиями, организациями, гражданами и государственными органами [2].

Одной из особенностей правового режима земель К(Ф)Х является принцип неделимости земельного участка. Земельный участок и средства производства К(Ф)Х при выходе из фермерского хозяйства одного из его членов разделу не подлежат. Но при прекращении деятельности К(Ф)Х в связи с выходом из него всех членов имущество крестьянского (фермерского) хозяйства подлежит разделу между членами К(Ф)Х согласно действующему законодательству.

В соответствии с этим можно выделить следующие признаки К(Ф)Х.

Во-первых, это наличие родственных связей между гражданами — членами К(Ф)Х.

Во-вторых, особый режим имущества К(Ф)Х. В соответствии с п. 3 ст. 6 ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» [2] имущество К(Ф)Х принадлежит его членам на праве общей совместной собственности либо общей долевой собственности. Вопросы, связанные с гражданско-правовым режимом имущества К(Ф)Х, создаваемого без образования юридического лица, рассматривались в юридической литературе [4].

В-третьих, отличительным признаком является характер деятельности членов К(Ф)Х — аграрное производство, то есть производство, переработка, хранение, транспортировка и реализация сельхозпродукции, которое осуществляется ими совместно и при их личном участии. Здесь речь идет о товарном производстве, в результате которого произведенная продукция идет, в частности, на реализацию с целью получения дохода (прибыли).

Одной из проблем правового регулирования деятельности сельско-

хозяйственных организаций, в т. ч. К(Ф)Х является отсутствие единого законодательного определения понятия «сельскохозяйственный товаропроизводитель». Это понятие содержится в Федеральном законе «О сельскохозяйственной кооперации» [5], в Федеральном законе «О развитии сельского хозяйства» [6], а также в Налоговом кодексе РФ [7]. Соглашаясь с мнением А. В. Новоселова, мы должны отметить, что целесообразно унифицировать понятие «сельскохозяйственный товаропроизводитель» (внести изменения в ч. 2 Налогового кодекса РФ (ст. 346.2), ст. 1 Федерального закона «О сельскохозяйственной кооперации», ст. 3 Федерального закона «О развитии сельского хозяйства») и распространить его на все сельскохозяйственные кооперативы и крестьянские (фермерские) хозяйства [8, 9,10].

Однако стоит отметить, что государство пошло навстречу сельскохозяйственным производителям при установлении налоговых льгот. Глава 26.1 Налогового кодекса РФ в качестве специального налогового режима (более выгодного по сравнению с общими налоговыми режимами) устанавливает систему налогообложения для сельскохозяйственных товаропроизводителей (единый сельскохозяйственный налог) [7]. И так как не установлено иное, то и перейти на уплату единого сельскохозяйственного налога вправе К(Ф)Х, как действующие в качестве юридических лиц, так и без образования юридического лица.

Говоря о К(Ф)Х как о субъекте предпринимательской деятельности, государство в целях эффективной деятельности крестьянских (фермерских) хозяйств осуществляет комплекс мер государственной поддержки. Согласно ст. 11 ФЗ «О развитии сельского хозяйства» государством обеспечиваются поддержка формирования и развития системы кредитования сельскохозяйственных товаропроизводителей, равный доступ сельскохозяйственных товаропроизводителей к получению кредитов (займов) на развитие в российских кредитных организациях, сельскохозяйственных потребительских кредитных кооперативах [6].

Но, по нашему мнению, государственная поддержка для фермеров является малоэффективной и недостаточной. Соглашаясь с мнени-

ем Б. А. Воронина, мы подчеркиваем, что задача государства — создать экономические и институциональные условия, а также снять барьеры, препятствующие производительности К(Ф)Х [11]. Крестьянские (фермерские) хозяйства имеют значительный потенциал в развитии, но в настоящий момент этому препятствует ряд проблем в развитии фермерского сектора, например, такие как: несовершенство нормативно-правовой базы деятельности К(Ф)Х, социальная незащищенность фермеров и слабое информационно-консультационное обслуживание.

Таким образом, на основании проведенных исследований, с целью развития и дальнейшего совершенствования правового обеспечения деятельности К(Ф)Х, по нашему мнению, необходимо предпринять следующие меры:

— во-первых, внести в Гражданский кодекс РФ и в Федеральный закон «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» дополнения, определяющие особый правовой статус К(Ф)Х как юридического лица, а именно о порядке создания, членских, управленческих и имущественных правоотношениях в К(Ф)Х;

— во-вторых, закрепить законодательно упрощенный порядок регистрации К(Ф)Х;

— в-третьих, принять меры по совершенствованию уже существующих программ государственной поддержки К(Ф)Х, на основе отдельной федеральной разработать региональные программы развития К(Ф)Х, предусматривающих меры финансовой, методической, информационной и правовой поддержки при создании и осуществлении деятельности К(Ф)Х.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Федеральный закон «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» от 11 июня 2003 г. № 74-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 24.

Ст. 2249.

3. Попова Л. И. Правовые основания наследования имущества крестьянского (фермерского) хозяйства // Наследственное право. 2013. № 3. С. 40–41.

4. Нетишинская Л. Ф., Куемжиева С. А. О некоторых вопросах, связанных с гражданско-правовым режимом имущества крестьянского (фермерского) хозяйства // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 2. С. 202–205.

5. Федеральный закон «О сельскохозяйственной кооперации» от 8 декабря 1995 г. № 193-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 50. Ст. 4870.

6. Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства» от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 1. Ст. 1.

7. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть вторая: Федеральный закон от 05 августа 2000 г. № 117-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 46. Ст. 3340.

8. Новоселов А. В. О проблемах совершенствования правового статуса сельскохозяйственных кооперативов // Успехи современной науки. 2016. Т. 2. № 3. С. 98–100. URL: http://elibrary.ru/download/elibrary_25782506_70505502.pdf (дата обращения: 13.02.2017).

9. Новоселов А. В. К вопросу о правоспособности сельскохозяйственных кооперативов // Успехи современной науки и образования. 2015. № 5. С. 89–92.

10. Новоселов А. В. Проблемы правосубъектности сельскохозяйственных кооперативов // Научный журнал КубГАУ. 2016. № 120. С. 1199–1210. URL: http://ej.kubagro.ru/2016/06/pdf/79.pdf (дата обращения: 13.02.2017).

11. Воронин Б. А. Крестьянские (фермерские) хозяйства: правовые проблемы функционирования и развития // Аграрный вестник Урала. 2011. № 11. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/krestyanskoe-fermerskoe-hozyaystvo-pravovye-problemy-funktsionirovaniya-i-razvitiya (дата обращения 10.01.2017).

УДК/UDC 34.03

К вопросу о праве на признание аудиторского заключения заведомо ложным

Стародубцева Марта Вячеславовна
магистрант факультета заочного обучения
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия

Нетишинская Любовь Федоровна (научный руководитель)
кандидат юридичеких наук, доцент кафедры международного частного и предпринимательского права
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся определения перечня лиц, которые являются пользователями аудиторского заключения, и перечня лиц, обладающих правом подачи заявления в суд с требованием о признании аудиторского заключения заведомо ложным. Особое внимание уделяется положению о том, что аудиторская деятельность не подменяет контроля достоверности бухгалтерской отчетности уполномоченными на то органами государственной власти и местного самоуправления.

Ключевые слова: аудиторское заключение, признание заведомо ложным, пользователи аудиторского заключения.

On the Issue of the Right to Recognise an Auditor's Report as Knowingly False

Starodubtseva Marta Vyacheslavovna
student in the master's programme of the Faculty of Extramural Studies
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia

Netishinskaya Lyubov Fedorovna (research advisor)

Candidate of Law, assistant professor of the International Private and Business Law Department
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia

Abstract

The article touches upon the issues of defining the list of persons who are the users of an auditor's report and the list of persons who have the right to file a petition in court demanding to recognise of auditor's report as knowingly false. The author pays special attention to the provision according to which auditing does not replace the accounting controls performed by authorised public authorities and by local self-government authorities.

Key words: auditor's report, recognising as knowingly false, users of an auditor's report.

В результате анализа действующего законодательства Российской Федерации об аудиторской деятельности выяснилось, что вопрос, касающийся четкого определения и разграничения круга лиц, которые являются пользователями аудиторского заключения, и лиц, обладающих в соответствии с процессуальным законодательством Российской Федерации правом подачи заявления в суд о признании аудиторского заключения заведомо ложным, остался нераскрытым.

Следует отметить, что государство в условиях современного управления обществом делегировало часть своих полномочий в сфере финансового контроля аудиторам, но, основываясь на положениях ч. 5 ст. 1 Федерального закона № 307-ФЗ от 30.12.2008 «Об аудиторской деятельности» [1], мы можем сделать вывод, что аудиторская деятельность не подменяет контроля достоверности бухгалтерской (финансовой) отчетности уполномоченными на то органами государственной власти и местного самоуправления. Поэтому за деятельностью аудиторских организаций и аудиторов установлен контроль (надзор), выражающийся в праве определенного круга лиц обратиться в суд за признанием выданного аудиторской организацией или аудитором аудиторского заключения за-

ведомо ложным, что влечет за собой череду неблагоприятных последствий для аудиторов.

В ч. 4 ст. 6 ФЗ «Об аудиторской деятельности» установлено, что аудиторское заключение должно быть адресовано в согласованном количестве экземпляров и в обусловленные в договоре на оказание аудиторских услуг сроки исключительно аудируемому лицу или лицу, заключившему договор на оказание аудиторских услуг, которыми могут выступать юридические лица, прежде всего — коммерческие организации. Однако это не исчерпывающий перечень лиц, являющихся пользователями аудиторского заключения, и, следовательно, обладающих правом знакомиться с содержанием такого заключения, так как в ч. 6 ст. 6 ФЗ «Об аудиторской деятельности» установлен открытый перечень лиц, обладающих правом обращения в суд с заявлением о признании аудиторского заключения заведомо ложным, что предполагает и наличие доступа к заключению для ознакомления с ним определенным лицам, среди которых:

- сами лица, которым адресовано аудиторское заключение;
- Центральный банк Российской Федерации;
- Росфиннадзор (федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в финансово-бюджетной сфере);
- государственная корпорация «Агентство по страхованию вкладов»;
- а также иные лица, определенные законом.

Можно предположить, что при заключении договоров, хотя бы одной из сторон в которой является юридическое лицо, стороны могут договориться о предоставлении друг другу аудиторского заключения, не нарушая тем самым установленного Гражданским кодексом Российской Федерации принципа свободы договора (ст. 421 ГК РФ) [2]. Такой шаг будет расцениваться как некий гарант благонадежности контрагентов и «средством повышения надежности информации, представленной в бухгалтерских отчетах» [3]. Из этого следует, что еще одним предполагае-

мым лицом, обладающим правом ознакомления с содержанием заключения аудитора, выступает будущий или действующий контрагент, то есть либо юридическое лицо, либо индивидуальный предприниматель. И в данном конкретном случае, по нашему мнению, в ч. 6 ст. 6 ФЗ «Об аудиторской деятельности» в перечень лиц, уполномоченных подавать заявление в суд о признании аудиторского заключения заведомо ложным, следует включить и контрагентов (предполагаемых и действующих). При осуществлении предпринимательской деятельности зачастую в суды обращаются именно контрагенты с целью возмещения понесенных убытков с противоположной стороны (ст. 15 ГК РФ). Так, надеясь на достоверность предоставленного аудиторского заключения, который, в свою очередь, окажется недостоверным, одна из сторон по заключенному договору может остаться ни с чем ввиду неспособности исполнения принятых на себя обязательств другой стороной. Для этого с целью восстановления нарушенных прав контрагентам должно быть на законодательном уровне предоставлено право обращаться в суд с заявлением о признании аудиторского заключения заведомо ложным.

В современных условиях осуществления предпринимательской деятельности и юридические лица и индивидуальные предприниматели прибегают к помощи со стороны кредитных организаций с целью получения кредита для дальнейшего существования на экономическом рынке. В этой связи можно предположить, что аудиторское заключение будет необходимым при подаче документов в кредитную организацию с целью получения юридическим лицом кредита, при этом заемщик обязан предоставить пакет документов, состоящий из учредительных документов организации, бухгалтерской и финансовой отчетности и так далее. Как раз в таком случае кредитная организация и сможет выступать в качестве пользователя аудиторского заключения. Остается открытым вопрос, касающийся права обращаться в суд с заявлением о признании заведомо ложным «недостоверного» аудиторского заключения кредитором, ведь вопрос выдачи кредита связан с предоставлением банком (или иной кредитной организацией) больших денежных средств и получени-

ем соответствующих процентов, который, так же как и заемщик, хочет обезопасить себя от возможных неблагоприятных последствий. Таким образом, кредитные организации — еще один субъект, который должен обладать правом обращаться в суд с заявлением о признании аудиторского заключения заведомо ложным. Кроме того, в п. 15 ранее действовавших «Временных правил аудиторской деятельности в РФ» [4] содержалось положение, о том, что орган, выдавший лицензию на осуществление аудиторской деятельности, по предложению прокурора мог назначить проверку качества аудиторского заключения, то есть прокурор и на то время играл не последнюю роль в осуществлении контроля за соблюдением законодательства Российской Федерации и в области аудита. Считаем, что такое положение должно содержаться и в ФЗ «Об аудиторской деятельности».

В соответствии с п. 3 ст. 52 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» [5] (далее по тексту — ФЗ «Об АО») при организации проведения общего собрания акционеров лицам, обладающим правом на участие в общем собрании акционеров общества, предоставляется информация о юридическом лице, в том числе и аудиторское заключение. Таким же правом обладают и участники общества с ограниченной ответственностью в соответствии с п. 1 ст. 8 Федерального закона от 08.02.1998 №14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [6]. Помимо этого, акционеры вправе обращаться в суд за признанием аудиторского заключения заведомо ложным, о чем свидетельствует судебная практика по гражданскому делу № А40-157358/2016 [7], где два частных акционера ПАО «Газпром» и ООО «Мириад Рус» требуют признать заведомо ложным аудиторское заключение по финансовой отчетности монополии за 2015 год, выступая по данному делу надлежащими истцами.

Также право на определенную защиту должны иметь и инвесторы при осуществлении инвестиционной деятельности, которая представляет собой «вложение инвестиций и осуществление практических действий в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффек-

та» [8].

В Информационном сообщении Министерства финансов России от 03.12.2014 «Об изменениях Федерального закона от 30.12.2008 № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» [9] изложена позиция вышеупомянутого органа исполнительной власти, касающаяся определения конкретного перечня лиц, которые вправе обратиться в суд с заявлением о признании аудиторского заключения заведомо ложным. По мнению чиновников Министерства финансов России, четкое определение вышеупомянутого круга лиц направлено на защиту аудиторских организаций и индивидуальных аудиторов от неправомерных претензий в отношении выданных ими аудиторских заключений и упорядочение процедуры признания аудиторского заключения заведомо ложным, при этом, с одной стороны, такая позиция законодателя является верной с точки зрения упорядочения данного процесса, с другой же стороны, таким жестким установлением рамок могут быть нарушены права и законные интересы иных лиц.

На основании вышеизложенного предлагаем включить в перечень лиц, имеющих право на обращение в суд с заявлением о признании аудиторского заключения заведомо ложным, лиц, являющихся пользователями аудиторского заключения.

Список литературы

1. Федеральный закон «Об аудиторской деятельности» от 30 декабря 2008 г. № 307-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 1. Ст. 15.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

3. Коноплева И. А., Иконникова О. В., Боас И. Л. Аудиторское заключение и его информационные возможности с точки зрения пользователей бухгалтерской отчетности // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2015. № 6 (366). С. 25.

4. Об аудиторской деятельности в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 22.12.1993 № 2263 (вместе с «Временными правилами ауди-

торской деятельности в Российской Федерации») // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 52. Ст. 5069. (Утратил законную силу).

5. Федеральный закон «Об акционерных обществах» от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 1.

6. Собрание законодательства Российской Федерации Об обществах с ограниченной ответственностью» от 08 февраля 1998 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 7. Ст. 785.

7. Решение Арбитражного суда города Москвы от 10.10.2016 по делу № А40-157358/2016 «О признании аудиторского заключения от 30.03.2016 г. ООО „Финансовые и бухгалтерские консультанты“ по финансовой (бухгалтерской) отчетности ПАО „Газпром“ за 2015 год заведомо ложным» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

8. Федеральный закон «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» от 25 февраля 1999 г. №39-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 9. Ст. 1096.

9. Об изменениях Федерального закона от 30.12.2008 № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности»: Информационное сообщение Минфина России от 03.12.2014 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

УДК/UDC 34.03

К вопросу о правовой природе аудиторского заключения и ответственности аудитора за подписание заведомо ложного аудиторского заключения

Стародубцева Марта Вячеславовна
магистрант факультета заочного обучения
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия

Нетишинская Любовь Федоровна (научный руководитель)
кандидат юридичеких наук, доцент кафедры международного частного и предпринимательского права
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы, связанные с правовой природой аудиторского заключения и ответственностью аудитора за подписание заведомо ложного аудиторского заключения. Отмечается то обстоятельство, что по своей правовой природе деятельность аудиторов и экспертов имеет одну и ту же направленность и признаки.

Ключевые слова: аудиторское заключение, ответственность аудитора, заведомо ложное аудиторское заключение, аудируемые лица.

On the Issue of the Legal Nature of an Auditor's Report and the Auditor's Responsibility for Signing a Knowingly False Auditor's Report

Starodubtseva Marta Vyacheslavovna
student in the master's programme of the Faculty of Extramural Studies
Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

Netishinskaya Lyubov Fedorovna (research advisor)
Candidate of Law, assistant professor of the International Private and Business Law Department
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia

Abstract

The article touches upon the issues connected with the legal nature of an auditor's report and the auditor's responsibility for signing a knowingly false auditor's report. The author points out that auditors' and experts' activity has the same orientation and characteristics in its legal nature.

Key words: auditor's report, auditor's responsibility, knowingly false auditor's report, auditees.

С целью качественного функционирования системы управления перед принятием ключевых управленческих решений необходимо иметь полную и структурированную информацию о текущей ситуации в организации — начиная от анализа существующих бизнес-процессов и заканчивая маркетинговыми данными по положению данной организации на рынке.

Нынешняя система ведения продуктивного и безопасного бизнеса направлена на доскональное изучение так называемого контрагента, заключающееся в проверке его благонадежности и платежеспособности. С целью избежания неблагоприятных последствий (рисков) для компании «общество и бизнес-среда ожидают от аудитора объективного мнения о деятельности организаций и достоверности финансовой отчетности» [1].

На сегодняшний день ч. 3 ст. 1 Федерального закона № 307-ФЗ от 30.12.2008 «Об аудиторской деятельности» определяет аудит как независимую проверку бухгалтерской (финансовой) отчетности аудируемого лица в целях выражения мнения о достоверности такой отчетности [2]. Такое «мнение», исходя из федеральных стандартов аудиторской де-

ятельности [3] (далее по тексту — стандарты аудита), утвержденных Министерством финансов Российской Федерации, после проведенного аудиторской организацией или индивидуальным аудитором аудита, выражается в аудиторском заключении. По мнению действующего аудитора В. С. Ржаницыной, «аудиторское заключение — это один из важнейших документов в области аудита, который призван внести упорядоченность и дополнительные гарантии в отношения между объектами инвестирования и потенциальными инвесторами» [4].

В прямо предусмотренных ФЗ «Об аудиторской деятельности» случаях (ч. 1 ст. 5), для юридических лиц аудит является обязательной составляющей их деятельности. Для таких субъектов аудиторское заключение включено в исчерпывающий перечень документов, составляющих приложения при сдаче годового бухгалтерского (финансового) отчета в налоговую инспекцию и орган государственной статистики, что прямо предусмотрено в ч. 10 ст. 13 Федерального закона от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» [5] (далее по тексту — ФЗ «О бухучете»). Для остальных же субъектов предпринимательской деятельности (юридических лиц и индивидуальных предпринимателей) проведение аудита не является обязанностью. Так, индивидуальные предприниматели освобождены от проведения обязательного аудита ввиду отсутствия установленной ФЗ «О бухучете» обязанности вести бухгалтерский учет. Единственное, что установлено п. 5 ч. 1 ст. 23 Налогового кодекса Российской Федерации [6] для индивидуального предпринимателя, — это обязанность по предоставлению в налоговый орган по месту его жительства книги учета доходов и расходов и хозяйственных операций.

Но несмотря на вышеизложенное, зачастую субъекты предпринимательской деятельности заключают в простой письменной форме договор на оказание аудиторских услуг (осуществляя тем самым добровольный аудит) с целью проверки правильности годовых отчетов и бухгалтерских балансов либо подтверждения контрагентам своей добросовестности в выполнении принятых на себя гражданско-правовых обязательств.

Федеральный закон «Об аудиторской деятельности» (ч. 1 ст. 6)

устанавливает положение о том, что аудиторское заключение представляет собой официальный документ, предназначенный для пользователей бухгалтерской (финансовой) отчетности аудируемых лиц, содержащий выраженное в установленной форме мнение аудиторской организации, индивидуального аудитора о достоверности бухгалтерской (финансовой) отчетности аудируемого лица, то есть можно сделать вывод о том, что обозначен конкретный перечень субъектов, составляющих аудиторское заключение, а также итоговая цель такого заключения, но, к сожалению, ФЗ «Об аудиторской деятельности» не содержит никаких положений:

— о лице, уполномоченном подписывать аудиторское заключение, и, соответственно, об ответственности подписанта;
— о лицах, являющихся пользователями бухгалтерской (финансовой) отчетности аудируемых лиц. Кроме того, отсутствует указание о каких-либо возможных правовых последствиях мнения аудитора о достоверности бухгалтерской (финансовой) отчетности аудируемого лица.

До 2001 года на территории Российской Федерации действовали «Временные правила аудиторской деятельности в Российской Федерации» [7], которые приравнивали аудиторское заключение к заключению эксперта в том случае, если ее проведение было предопределено по решению органов государственной власти, и такое заключение имело доказательственную силу в судебном процессе. При проведении экспертизы в рамках судебного процесса заключение эксперта подлежит подписанию экспертом в соответствии со ст. 86 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [8], несущим за свои выводы ответственность (ст. 55 АПК РФ), предусмотренную ст. 307 Уголовного кодекса Российской Федерации [9]. При проведении комиссионной судебной экспертизы каждый эксперт подписывает и несет ответственность только за ту часть экспертизы, которую провел он лично, или же составляется отдельное заключение в случае расхождения мнений с иными экспертами (ст. 85 АПК РФ). Так, Постановлением Арбитражного суда Центрального округа от от 11.04.2016 № Ф10-635/2016 по делу № А62-4776/2014

[10] было отменено постановление суда апелляционной инстанции, которым аудиторское заключение было признано заведомо ложным. С целью выяснения соответствия выводов аудиторской проверки, осуществленной Аудиторской фирмой «Бизнес-Аудит», судом апелляционной инстанции была назначена экспертиза, которую осуществляла также аудиторская организация, и в этом случае заключение аудиторской организации расценивалось как экспертное заключение, и, соответственно, имело доказательственную базу в соответствии с процессуальным законодательством Российской Федерации, что еще раз подтверждает правовую природу деятельности аудиторов в качестве экспертов.

В толковом словаре лингвиста И. С. Ожегова дается понятие слова заключение как «утверждение, являющееся выводом из чего-либо» [11]. По нашему мнению, перед тем, как окончить приводимые исследования, выразив их в заключении, должна быть проанализирована полученная документация (или что иное, являющееся предметом исследования), на основании которых и будут сделаны соответствующие выводы. Так происходит и у аудитора, и у эксперта. Кроме того, по своей правовой природе деятельность и экспертов и аудиторов имеет совершенно одну и ту же направленность и признаки:

- проведение экспертизы и аудита основано на наличии и использовании специальных знаний как экспертов, так и аудиторов;
- осуществляется по определенным законом правилам;
- проводится компетентными лицами, обладающими специальными знаниями, имеющими практический опыт работы в соответствующей сфере деятельности, имеющими соответствующее высшее образование, прошедшими аттестацию;
- суждения и выводы как эксперта, так и аудитора по проведенной ими работе выражаются в заключении;
- и эксперт, и аудитор при выполнении своей работы должны быть независимы.

На основании вышеизложенного предлагаем приравнять аудиторское заключение к заключению эксперта, правовое положение и ответ-

ственность аудитора к правовому положению и ответственности эксперта и внести соответствующие изменения в ФЗ «Об аудиторской деятельности», в частности изменить содержание ст. 4, а именно: «Аудитор (эксперт) — это квалифицированный независимый специалист, обладающей знаниями и практическим опытом в области бухгалтерского (финансового) учета, имеющий высшее образование и соответствующий аттестат, дающий право осуществлять аудиторскую и сопутствующую аудиту деятельность, за которую несет предусмотренную законодательством Российской Федерации ответственность». Считаем, что после внесения вышеуказанных изменений можно обоснованно применять положения ст. 14 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [12] о предупреждении аудитора об ответственности за дачу заведомо ложного заключения, так как в настоящее время в стандартах аудита отсутствует положение предупреждение аудитора об ответственности за дачу заведомо ложного заключения.

В соответствии с ч. 5 ст. 6 ФЗ «Об аудиторской деятельности» для признания судом аудиторского заключения заведомо ложным необходимо наличие двух условий:

— заключение было составлено без проведения самой проверки;
— заключение было составлено по итогам ранее проведенной проверки, однако вступает в очевидное противоречие с ранее предоставленным и проверенным аудиторами документами.

Подписание аудитором аудиторского заключения, признанного в установленном порядке заведомо ложным, влечет аннулирование квалификационного аттестата аудитора (ч. 1 ст. 12 ФЗ «Об аудиторской деятельности»). По нашему мнению, этого недостаточно. Необходимо предусмотреть уголовную ответственность за предоставление аудитором заведомо ложного аудиторского заключения, поэтому в ст. 307 УК РФ следует, наряду с заключением эксперта, указать и заключение аудитора.

Вопрос об ответственности аудиторов также был поднят на конференции по теме «Современный аудит: проблемы и перспективы». Выступающими были высказаны предложения об ужесточении ответствен-

ности аудиторов за предоставление недостоверной отчетности, так как участились случаи отзыва Центральным банком Российской Федерации выданной кредитным организациям лицензии из-за существенной недостоверности отчетности, в то время как аудиторские организации выражают в своем заключении безоговорочно положительное мнение о достоверности отчетности кредитных организаций [13].

Подводя итог вышеизложенному, предлагаем внести изменение в действующее законодательство Российской Федерации, регулирующее аудиторскую деятельность, и установить понятие аудиторского заключения следующего содержания: аудиторское заключение — это заключение эксперта (аудитора), заверенное подписью и печатью аудитора, аудиторской организации, составленное в установленном законом порядке и форме, содержащее в себе вывод относительно достоверности бухгалтерской (финансовой) отчетности аудируемого лица, полноты и соответствия действующему законодательству и установленным нормативам бухгалтерского учета финансово-хозяйственной деятельности организации. Предлагаем приравнять аудиторское заключение к заключению эксперта, для того чтобы аудитор нес уголовную ответственность за подписание заведомо ложного аудиторского заключения.

Список литературы

1. Козлов В П., Жигадло И. Ю. Проблемы формирования модифицированного мнения аудитора в современных условиях // Вестник Сибирского государственного индустриального университета. 2014. № 3 (9). С. 76.

2. Федеральный закон «Об аудиторской деятельности» от 30 декабря 2008 г. № 307-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 1. Ст. 15.

3. Приложения, утвержденные Приказом Минфина РФ от 20.05.2010 № 46н «Об утверждении федеральных стандартов аудиторской деятельности»: Федеральный стандарт аудиторской деятельности (ФСАД 1/2010). Аудиторское заключение о бухгалтерской (финансовой) отчетности и формирование мнения о ее достоверности»; Федеральный стандарт аудиторской деятельности (ФСАД 2/2010). Модифицированное мнение в аудиторском заключении; Федеральный стандарт аудиторской деятельности (ФСАД 3/2010). Дополнительная информация в аудиторском заключении) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной вла-

сти. 2010. № 30.

4. Ржаницына В. С. Аудиторское заключение: требования новых стандартов // Финансовые и бухгалтерские консультации. 2011. № 3.

5. Федеральный закон «О бухгалтерском учете» от 06 декабря 2011 г. № 402-ФЗ (ред. от 23.05.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 50. Ст. 7344.

6. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. №31. 1998. Ст. 3824.

7. Об аудиторской деятельности в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 22.12.1993 № 2263 (вместе с «Временными правилами аудиторской деятельности в Российской Федерации») // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 52. Ст. 5069. (Утратил законную силу).

8. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.

9. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

10. О признании недействительными решений годового общего собрания акционеров, признании аудиторского заключения заведомо ложным: Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 11.04.2016 № Ф10-635/2016 по делу № А62-4776/2014 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

11. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Издательство «Оникс», ООО «Издательство „Мир и Образование“», 2005. С. 265.

12. Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 23. Ст. 2291.

13. Минфин предложил ужесточить наказание аудиторам за ложные заключения // РБК URL: http://www.rbc.ru/finances/14/11/2016/582982ec9a7947dc2c2c7d8e.

УДК/UDC 347

Заключение и исполнение кредитного договора в предпринимательской деятельности

Трубачев Владимир Игоревич
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: vladimir01235@gmail.com

Шульга Антонина Константиновна (научный руководитель)
кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного и предпринимательского права
Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия

Аннотация

В статье рассматривается специфика и проблемы реализации кредитного гражданско-правового договора. На основании изучения научных позиций и практики применения кредитного договора предлагаются возможные пути его совершенствования.

Ключевые слова: кредитный договор, кредитор, должник, заключение договора, предприниматель.

Conclusion and Execution of a Credit Contract in Business Activity

Trubachev Vladimir Igorevich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: vladimir01235@gmail.com

Shulga Antonina Konstantinovna (research advisor)

Candidate of Law, assistant professor of the International Private and Business Law Department
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia

Abstract

The author examines the specifics and the problems of realisation of a credit civil legal contract. On the basis of studying scientific standpoints and practice of application of the credit contract, the author proposes some possible ways to improve it.

Key words: credit contract, creditor, debtor, conclusion of a contract, entrepreneur.

Одним из направлений экономической политики Российской Федерации является способствование в становлении и развитии малого и среднего бизнеса. Однако где начинающему предпринимателю взять денежные средства для организации своего бизнеса? Одним из возможных вариантов выступает кредитный договор, заключаемый с банком или иной кредитной организацией.

Рассмотрим кредитный договор при условиях, что одним из контрагентов банка или любой иной кредитной организации является субъект предпринимательской деятельности.

Понятие кредитного договора раскрывается в статье 819 Гражданского кодекса РФ [1], в соответствии с которой по кредитному договору банк или иная кредитная организация (кредитор) обязуются предоставить денежные средства (кредит) заемщику в размере и на условиях, предусмотренных договором, а заемщик обязуется возвратить полученную денежную сумму и уплатить проценты на нее.

Таким образом, из вышесказанного можно сделать вывод, что законодатель выделяет кредитный договор как полностью самостоятельный вид договоров. Прежде всего это происходит из-за специфичности одной из стороны субъектного состава договора — банка или иной кредитной организации. Также следует отметить его особую правовую конструкцию, которая, в отличие от договора займа, является консенсуальной.

Однако наряду с этим законодатель признает его сходство с договором займа, в результате чего в пункте 2 статьи 819 ГК РФ сказано, что кредитный договор регулируется теме же положениями, что и договор займа, если иное не предусмотрено правилами о кредитном договоре и не вытекает из существа кредитного договора.

Здесь мы как раз сталкиваемся с тем, что для субъектов предпринимательской деятельности правовая конструкция договора займа является неудобной вследствие ее реальности. Предприниматель должен быть уверен, что при заключении договора займа он получит деньги одновременно и в полном объеме и в положенный срок. По мнению таких цивилистов, как Л. Ю. Грудцына и А. А. Спектор, именно данное обстоятельство и послужило причиной появления кредитного договора, который можно считать консенсуальным вследствие того, что он вступает в силу с момента его подписания сторонами [2].

Таким образом, в настоящее время кредитный договор тоже не дает гарантию невозможности одностороннего отказа от его исполнения банком или иной кредитной организации. В качестве одного из примеров можно привести пункт 1 статьи 821 ГК РФ, где закреплено, что кредитор вправе отказаться от предоставления заемщику предусмотренного кредитным договором кредита полностью или частично при наличии обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что предоставленная заемщику сумма не будет возвращена в срок. При этом перечень данных «очевидных обстоятельств» остается крайне размытым и поддается свободному толкованию ввиду отсутствия законодательного закрепления.

При этом родовая принадлежность кредитного договора к договору займа означает не только возможность субсидиарного применения к кредитным правоотношениям правил о договоре займа. В определенных случаях, когда договор теряет свои видовые признаки, он в конечном итоге становится договором займа. Говоря о правовой природе кредитного договора, ученые не могут сойтись во мнении, считать ли его консенсуальным или все же реальным. Большинство ученых сходится во мнении что договор является консенсуальным, но так ли это на самом

деле?

Изучая различные мнения, мы пришли к выводу, что наиболее правильной будет третья точка зрения, согласно которой кредитный договор не реален и не консенсуален. Он занимает в данном случае некую середину. В качестве доказательства данной теории могут служить слова Е. А. Суханова о том, что особенностью кредитных отношений является возможность одностороннего отказа от исполнения заключенного договора, как со стороны заемщика, так и со стороны кредитора. Именно этот отказ существенно влияет на природу данного договора и ослабляет его концесуальность, делая его более похожим на реальный [3].

Единственным критерием, который предоставляет кредитору право отказаться от исполнением заключенного договора, здесь выступает слово «очевидно», ведь статья 821 ГК РФ уклончиво указывает, что односторонний отказ от сделки возможен лишь при наличии обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что предоставленная сумма не будет возвращена в срок. Законодатель не дает пояснения, что такое «очевидно». Однако любое обязательство может быть как исполнено, так и не исполнено с равной долей вероятности. Следует напомнить, что банковская деятельность, как и любая другая предпринимательская деятельность, в своей основе несет риск, а значит всегда имеется вероятность неисполнения обязательства. Для банков или иных кредитных организаций кредитный договор, по сути, является предпринимательским, что закладывает в его основу сам риск его неисполнения заемщиком. При этом ученные не могут объяснить, почему такая правовая конструкция предусмотрена для кредитного договора, но вместе с тем отсутствует у иных предпринимательских договоров.

Тут следует добавить, что, занимая денежные средства, причем с процентами, предприниматель делает это не ради денег как таковых. Ему они нужны для ведения своей предпринимательской деятельности, которая, в свою очередь, опосредствуется через обязательства, возникающие из гражданско-правовых договоров. Конечно, сделки в сфере предпринимательской деятельности входят в число гражданско-правовых,

однако все равно имеют свою важную отличительную черту. Данная черта выражается в специфическом субъектном составе, ведь одной из сторон является предприниматель [4]. Подобная данность исходит из того, что предпринимательская деятельность находит свое правовое оформление в обязательствах, возникающих прежде всего из договоров.

В результате всего вышеперечисленного выходит следующее — заключая предпринимательские сделки, предприниматель рассчитывает исполнить обязательства по ним за счет денежных средств, которые он получает по кредитному договору. При этом если банк или иная кредитная организация отказывается в одностороннем порядке от исполнения договора, то предприниматель, рассчитывая на получения денежных средств, может заключить другие договоры, что поставит его в затруднительное положение, ведь он взял на себя новые обязательства, которые из-за неполученных денежных средств он не сможет исполнить и окажется в еще больших долгах.

Также не стоит забывать, что перед заключением сделки банки проверяют состояние должника и перспективы возврата как выданных денежных средств, так и процентов по ним. В данном случае отказ от исполнения обязательств по кредитному договору мы можем воспринимать как некомпетентность банка, который не смог своевременно проанализировать степень риска сделки, а ведь это, в свою очередь, может привести к подрыву финансовой деятельности заемщика-предпринимателя, который заранее планирует свою деятельность в расчете на полученные деньги.

Перейдем к судебной практике. Как известно, арбитражные суды при принятии решений по данной категории дел учитывают законные требования заемщика о взыскании с банка убытков, если последний сначала одобрил кредит, а в последствии отказался его выдавать. Однако данное требование может быть удовлетворено только в том случае, если отказ банка в предоставлении кредита не основан на положении п. 1 ст. 821 ГК РФ.

При этом следует сказать, что к убыткам относятся только до-

полнительные издержки, связанные с получением денежных средств по кредитному договору, который был заключен с другим кредитором. Однако что делать предпринимателю, если он не сможет заключить договор с другим банком, а обязательства, возникшие из уверенности предпринимателя в получении денежных средств от банка или иной кредитной организации, не смогут быть им выполнены самостоятельно? Мы считаем, что в подобных случаях необходимо расширить сферу ответственности банков или иных кредитных организаций, а именно обязать их возмещать весь имущественный вред, который получил предприниматель вследствие отказа банка от исполнении кредитного договора.

Мы понимаем, что для успешного развития рыночной экономики необходимо обеспечить возможность своевременного и полного получения банковского кредита субъектами предпринимательской деятельности. Однако, как мы видим на данном этапе развития, правовая структура кредитного договора не создает удобного и доступного для всех субъектов предпринимательской деятельности механизма их удовлетворения в заемных деньгах.

Необходимость в получении предпринимателем кредита ставит его в зависимое положение от банка, который, как видно из всего вышесказанного, имеет явно доминирующее положение в данном вопросе. Мы считаем, что следует пересмотреть существующие положения об одностороннем отказе от исполнения кредитного договора, указанные в п. 1 ст. 821 ГК РФ.

Мы считаем, что следует изменить формулировку данной статьи: убрать из нее слово «очевидно», заменив ее более точной формулировкой, или же создать определенные критерии, которые ограничили бы слово «очевидно». По нашему мнению, это поможет ограничить доминирующее положение банка и защитить права предпринимателей.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая: Федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства Росссийской Фе-

дерации. 1996. № 5. Ст. 410.

2. Грудцына Л. Ю., Спектор А. А. Гражданское право России: Учебник для вузов. М.: Юстицинформ, 2007. С. 219.

3. Гражданское право: Учебник. Т. II. Полутом 2 / Под ред. Е. А. Суханова. М.: Издательство БЕК, 2003. С. 224.

4. Предпринимательское право: Учебник / Отв. ред. д-р юрид. наук, проф. Г. Ф. Ручкина. М.: ВГНА Минфина России, 2007. С. 271–272.